

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТА, КОТОРОЙ
НЕ ДОЛЖНО
БЫТЬ

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ,
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Лариса Соболева

Та, которой не должно быть...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714833

Соболева Лариса Та, которой не должно быть: [роман] : АСТ; Москва;

2014

ISBN 978-5-17-083139-5

Аннотация

Казалось бы, разные люди, разные преступления, разные события действуют в романе и между ними нет ничего общего. Но постепенно эти события и люди выстраиваются в одну общую линию, и выясняются мотивы... Их четверо, им всем чуть за тридцать, они не похожи друг на друга, но это не мешает им дружить...

Больше года назад произошла трагедия – сгорел дачный дом, погибли люди, погибла невеста Эдгара, а сам он чудом остался в живых. Из того, что произошло, он ничего не помнит. Официальное расследование не дает результатов. Тогда Эдгар нанимает частного детектива и уезжает в Китай, куда его отправляют друзья. Год спустя он возвращается и понимает, что... прошлое следует неотступно.

А между тем в городе начинают происходить страшные события, как в фильме ужасов, только еще ужаснее, потому что в жизни. И четверо друзей пытаются разобраться в этом.

Содержание

1	4
2	12
3	29
4	44
5	63
6	77
7	97
8	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Лариса Соболева

Та, которой не должно быть

*Когда живешь страстью, видишь лишь иллюзии.
Китайская мудрость*

1

Сюда он входил без стука. Нет, он врывается! Стремительно и внезапно, как тайфун. Занавеска на окне испуганно всхлипывала и замирала, беспомощно повисая, когда Виталий распахивал дверь и задерживался на пороге с улыбкой.

Как правило, она читала с серьезнейшим видом, или писала, или разговаривала с Валюшей. Нет-нет, все разговоры и чтение – исключительно по делу. Собственно, и он забежал по делу, между тем это был благовидный предлог увидеться. Его развлекала ее реакция, когда она поднимала строгие серые глаза, одновременно бросая сухую фразу тоном стервы: «Подождите в коридоре!» И за секунду ее мимика менялась, глаза окрашивались в серебристый цвет, Лариса вскакивала с места, конечно, от радости. Подскочила и на этот раз, выпалив:

– Виталька!

– Валенсия, привет, – мимоходом бросил он девушке за вторым столом, идя к Ларисе. Сначала обнял ее, поцеловал в щеку (ради этого и примчался, сделав крюк), а уж после вручил файл. – Держи акт вскрытия. Любопытное чтиво.

– М! – Вытаскивая отпечатанные листы из файла, Лариса мгновенно потеряла интерес к Виталию, что огорчительно.

– Вот так-так! – повернувшись к Вале, с показной обидой протянул он и плюхнулся на стул. – Мчишься через весь город, тратишь бензин, время, рискуешь потерять колеса на наших дорогах, а тебя встречают...

Внештатница Валя, прозванная им Валенсией, с обожанием смотрела на него и чуть-чуть с завистью на Ларису, к которой ее приставили в качестве помощницы. Валюша заочно заканчивала грызть гранит юридических наук в университете, а сюда пришла за большим и маленьким опытом, без которого – никуда! Разумеется, с улицы в это святилище «преступления и закона» не берут даже на волонтерскую работу, это значит, Валя блатная. А Виталию невдомек, зачем такой хорошенькой и модненькой штучке страшно-ужасно-жуткая работа?

– Да, – закивала она, – ваши колеса жалко. У вас же машина – супер.

– Кто тебе сказал? – невинно поднял он брови. – Машина как машина...

– Папа говорит, ваша машина безумно доро...

– Я купил потрепанную, – врал он без стыда и совести, досадуя на знатока-папу.

– Папа говорит, что и подержанная она дорогая...

Кабинет непропорциональный, маленький, два стола еле втиснули, поэтому, чтоб перейти на междусобойчик, достаточно наклониться к собеседнику. Что и сделал Виталий, зашептав, как истинный заговорщик:

– Валенсия, только тебе признаюсь: у меня денег навалом. Я же беру откаты. Крупные.

– У кого? – опешила доверчивая Валюша, вытаращив ореховые глазенки под накрахмаленной челкой цвета прибрежного песка.

– У них, естественно, у покойников, – на полном серьезе выдал Виталий. – Я умею с ними договариваться, особенно с теми, кого настигла насильственная смерть. Не веришь? Мне?! Ая-яй! Лариса, скажи, сколько, помимо пуль, я нашел бриллиантов в желудке азиата?

– Пять штук, – ответила Лариса, но не дала развить тему незаконных сделок с трупами. – Валь, сгоняй к Руслану, отнеси это.

Валюша неохотно забрала акт и побежала выполнять просьбу. А ей так хотелось поболтать с Виталием или хотя бы послушать его, а тут – сгоняй. За ней, взглянув на часы, и Виталий засобирался:

– У, и мне пора... пора...

Сказать-то сказал, но не шевельнулся. Уйти – это же рас-

статья на несколько часов! Его настроение прочувствовала Лариса, уложила кулачки друг на друга, на них – остренький подбородок и тоже улыбнулась ему. Приятно, приятно, когда прожитый без тебя час приравнивается к вечной разлуке, а встреча – к сбывшейся заветной мечте.

– Неужели отравили? – спросила она.

Полгода назад Лариса переехала к нему и... нет, это не рассказать! Осталось закрепить романтический союз штампами в паспортах, а то, что их отношения не рухнут в канаву быта, оба уверены на сто процентов.

– Отравили, – закивал он. – Примитивнейшим ядом, добытым из ядовитых растений кустарным способом. Полагаю, лавры Екатерины Медичи не дают покоя... угадай, кому?

Он провокационно прищурился, приподняв одну бровь, натянув хитрющую улыбку и постукивая пальцами по столу. А у Ларисы ответа не было. Его не могло быть! Покойник, когда еще был жив, в одной руке держал стаканчик, в другой – шампур, и вдруг ему становится нехорошо, он падает, начинаются судороги. И вот приходит она: безносая тетка с косой на плече в черном капюшоне. Для начала полагается установить причину внезапной смерти, только потом подзревать.

– Я подозреваю... нет, указываю на тещу, – расколосся Виталий, видя, в каком тупике обожаемая Лариса.

– Вот так сразу, да? – недоверчиво фыркнула она. – Без мотива, да?

– Мотивы, улики, вещдоки... Мне бы ваши заботы, милая! Короче, на даче в дальнем уголке за розами-мимозами растет та самая одолень-трава, уложившая здорового мужика, аж трех видов. А дача чья? Теща думает, в травках знают толк лишь ботаники, а ботаников среди нас не водится. Почему-то люди держат окружающих за приматов, это всеобщее заблуждение является основной причиной некачественных преступлений. Так я приглашаю ребят к нам? – на всякий случай уточнил он.

– И Алексашку?

– Куда ж без него?

– Прости, но твоего Алексашку...

– Знаю, знаю, – приподнял ладони Виталий, поморщившись, тем самым налагая табу на ее вмешательство в сферу мужских отношений. – Лариса, друзей не отвергают из-за того, что у них испортился характер, ведь на все есть причины. Алексашкина тебе известна, будь снисходительна.

Конечно, будет! Снисходительной, доброй, милой, нежной будет. Но к Витальке! Ему она простит все, даже Алексашку.

Он вздохнул тяжело, о колени ударил ладонями, мол, все-все, встаю... и не встал. Засмотрелся на Ларису. У нее удивительное лицо – приманивает обманчивой простотой и одновременно недоступностью. В тонких, скромно выписанных чертах столько скрытой чувственности, что появляется желание бросить все к черту с актами, трупами, убийствами! И

укатить с ней далеко-далеко... А нужно ехать в аэропорт – как тут не вздохнешь?

– Между прочим, я прочла то дело, – сказала она, вернув его из мечтаний. – Книга ужасов, честное слово. Наверное, потому что точка не поставлена?

– Прошу тебя, ни слова о...

– Помню, помню. Не переживай, этой темы не коснусь. Беги, а то опоздаешь и разозлишь зануду Алексашку.

И как же на прощание не поцеловаться? В губы, глубоким, долгим поцелуем – ведь они одни. Виталий первым оторвался, а потом умчался. Лариса протиснулась между столами к окну, зная, что перед тем, как сесть в машину, он непременно бросит взгляд на ее окно. Конечно, оглянулся! Она послала ему воздушный поцелуй и помахала одними пальчиками. Он уехал... Лариса вернулась на место, с минуту сидела, покусывая губы, на которых задержался вкус поцелуя.

Между тем солнечная осень заглянула в окно, подкрасив ядовито-желтым цветом стены, заиграла бликами на столе, отразилась в стеклах окна. Виталька дополнял эту светлость, нет – усиливал ее. Но он уехал. Без него в кабинете стало тускло, бедно. Совсем не рабочее настроение!

Машинально Лариса вытащила из ящика увесистый том, скрепленный в месте деревянными рейками и намертво прошитый толстым шнуром. Да, именно так шьют дела – буквально, грубо, надежно, крепкими нитками, которые не порвутся ни при каких обстоятельствах. Лариса открыла том,

ее глаза понесли по скупым строчкам, увлекая в другой, темный и загадочный мир...

Несмотря на полную темноту, он видел себя. Только со стороны. Ну, это как в кино... или во сне...

Отчета себе не отдавал, почему его потянуло вверх. Просто несло вперед, а на пути выросла преграда – лестница. Длинная-предлинная деревянная лестница. Старая-престарая. У нее было начало, но – удивительно – не было конца. Вернее, так ему чудилось: у черной дыры под крышей нет конца, а ведь конец есть у всего, абсолютно у всего.

Путь по лестнице длился бесконечно долго и казался непреодолимым. Может, потому, что ноги утяжелились... как и руки... и голова... и все тело... Впрочем, тело было невесомым, словно земного притяжения не существовало. А ни руки, ни ноги не поднимались. Странно, да? Нелепо, да? Но легкость и тяжесть одновременно – это реально, он испытал то и другое на себе.

Прокричав ее имя, не услышал себя. Не слышать собственного голоса, когда кричишь, – это страшно! Еще страшней, когда непонятно, что происходит. Какая сила удерживает, когда рвешься наверх, хотя не знаешь, что впереди?

А что там – впереди? Он думал и об этом. Но почему-то знал, что там будет нечто плохое. Но упорно рвался туда... вверх... вверх...

Одна ступенька провалилась (он знал, это предпоследняя ступенька), через нее следовало переступить, а он наступил. И упал. С падением исчезла (наверное, все-таки мнимая) легкость-тяжесть, тело приобрело привычное состояние. Он подскочил и, наконец, услышал свой отчаянный крик:

– Где ты?.. Где?!. Отзови-ись...

– Я здесь, – буркнул Александр, толкнув в бок локтем.

Локоть был острым, словно копые туземца, решившего низать на него желанный ужин. Эдгар непроизвольно потер бок, с трудом припоминая, где находится, кто его толкнул и почему. Почувствовав физическое неудобство – спина занемела, ноги отекали, болела шея, – он с усилием поднял тяжелые веки. Рядом в кресле, с закрытыми глазами, полулежал Сашка, тем не менее он почувствовал, что на него удивленно смотрит Эдгар, и ворчливо отчитал его:

– Прекрати стонать и разговаривать во сне, на нас смотрят как на психов. И пристегнись, на посадку заходим.

Значит, сон? А как наяву. Эдгар с облегчением выдохнул и подался к иллюминатору. Действительно, земля летела навстречу, следовательно, длинный и утомительный перелет подходил к концу. Только вот осадок собрался комом в груди, жег будто бы и не сильно, но ощутимо.

2

Закинув руки за голову, Алла лежала на бордовом шелке, дразня изгибами, выпуклостями и впадинами обнаженного тела. Дразня безупречно гладкой кожей цвета бронзы и чем-то еще, сугубо индивидуальным, чему и названья-то не придумали. Ее не портила растрепанность после «аэробики» на кровати, отсутствие помады на губах, утомленное лицо, вялость с леностью. Не портили тонкие морщинки возле уголков губ и между бровями.

Что должен испытывать мужчина, глядя на аппетитные формы, обтянутые закрашенной загаром кожей? Не о ее годах, разумеется, – Алле сорок пять, кстати. Он попросту застывает на пороге спальни с чашкой кофе, которую собственноручно приготовил, хотя сейчас не утро, чтоб подавать кофе в постель, время за полдень. Но Заварову безумно захотелось ей угодить. Он отправился на кухню делать то, чего не делал никогда, – варить. И сварил-таки! Нечто черно-коричневого цвета болталось в чашке, проливаясь на блюдце.

Заваров алчно сглотнул, чувствуя, как нутро заполняет буйство, словно у слегка оперившегося юнца. А времени-то прошло ну очень мало. Он неслышно подкрался к кровати, наклонился к Алле и шепотом, бережно касаясь губами округлого плеча, сказал без лакейского подобострастия:

– Кофе подан, мадам.

– Не хочу, – промямлила она, не открывая глаз.

– А кто пять минут назад требовал? – опешил он.

– Я передумала. Я устала.

Вот так вот! Устала! И кто виновник усталости? А ему тоже уже, извините, под полтинник. Эх, скинуть бы десяток лет... Да-а, не одни женщины со страхом переступают возрастные рубежи, кажется, у мужчин этот процесс проходит болезненней. Слабому полу достаточно выглядеть моложе на энное количество лет, а на это работает целая индустрия – только успевай платить. У сильной же половины с возрастом появляется в прямом смысле физический недостаток. В связи с этим растет комплекс неполноценности, психика угнетена, тело, не получающее привычных удовольствий, тоже. Какой дурак придумал именовать это процессом старения? Не процесс, а измывательство Создателя над своим главным творением – человеком.

Невольно рука Заварова потянулась к груди, а губы – к ямке между ключицами. Но Алла, преодолевая лень, ладонью отвернула его лицо. Он рассмеялся. Она же перевернулась на живот, ее спутанные смоляные волосы расплзлись по подушке, одна прядь, извиваясь, как змея, скользнула по лопатке. А необязательно лицезреть и ласкать портретную сторону, можно же пересчитать позвонки губами...

– Гена... – брюзгливо протянула Алла, шевельнув плечами, будто прогоняла приставучую осеннюю муху. – Дай по-

лежать.

Пропало у нее настроение, что огорчило Заварова. В нежелании Аллы продолжить активно терять килограммы (по ее мнению, этому способствует секс) он усмотрел личную вину, то есть несостоятельность в интимном плане.

– Тебе сегодня не понравилось? – озабоченно спросил он.

– О боже... Не говори глупости.

– Тогда почему? – вновь принялся целовать бронзовую спинку Заваров. – У нас еще полчаса как минимум...

– А что будет через полчаса? – насторожилась Алла, повернув к нему свое выразительное лицо итальянской кинодивы. Она похожа на итальянку и внешне, и темпераментом – огонь, а не женщина.

– Майка вернется, – ответил он. – С ней Федя...

Этого было достаточно, чтоб Алла подлетела с кровати, как попкорн. Не успел он глазом моргнуть, а на ней уже белье! Она натягивала чулки на загорелые ноги, пеняя ему:

– И ты молчал! Еще к разврату склонял! Знаешь, нехорошо с твоей стороны. Я не хочу попасть в неловкое положение, когда Майка застанет нас здесь.

Алла кинулась на поиски одежды, которую Заваров разбросал, снимая с нее, юбку она нашла в одном месте, блузу – в другом, жакет – в третьем...

В зале аэропорта Эдгар озирался, будто никогда не бывал здесь, и пока присматривался – кто тут копошится, где выход, какая погода. Это была новая страна. Глобальные перемены ее не коснулись, не изменился ни строй, ни люди, страна была новой как бы в старом обличье. А он – иностранцем, знающим в совершенстве язык, быт, нравы. Но иностранец – это чужой. Он и ощущал себя чужаком, как только сошел с трапа самолета, а прилетел-то домой.

Но что значит «дом» в чужом месте, городе, стране? Нечто изначально инородное и, как водится, неопределенное. Неопределенность не может быть притягательной, она окружает сомнениями с неуверенностью, она пугает. Предстоит заново осваиваться, учиться жить в среде, ставшей непривычной, работать, вспомнить друзей-приятелей... Все это казалось неподъемным грузом, который невозможно взвалить на плечи, остается лишь волоком тащить его, потому что так заведено. Данная перспектива как раз и пугала.

– Эдгар!

Услышав свое имя, он вздрогнул, посмотрел по сторонам – бежит. Как всегда: улыбка на тонких, но волевых губах, зеленоватые глаза искрятся, энергичен, одет безупречно и олицетворяет собой неуловимую мечту миллионов – успех. По пути Виталий налетал на людей, не обратив внимания

на живое препятствие, но мимоходом извиняясь. Эдгар тоже улыбнулся, как положено при встрече, они обнялись. Виталий, похлопывая его по спине, вспомнил:

– А где Алексашка?

– За багажом отправился, – ответил Эдгар, отстранившись от друга и переключившись на то, что его занимало больше, – обстановку вокруг. Но заметил: – Непривычно видеть тебя с бородой.

– Борода скрывает природные недостатки, – потирая тыльной стороной ладони короткую щетину на щеках, улыбаясь, сказал Виталька.

Эдгар отвык от столпотворений, бессмысленной суеты. И смотрел на муравейник с горьким чувством осознания, что он не особенный, а такая же мелочь из этого же муравьиного сообщества – неинтересного и бесполезного. Снова он вздрогнул, когда Виталий опустил руку ему на плечо и с веселым смешком, по-философски мудро произнес:

– Где, как не в аэропорту, приходят мысли о хаосе человеческого бытия?

– Откуда знаешь, о чем я думал? – удивился Эдгар.

– Хм-ха... Потому что, возвращаясь из Китая, меня посещают те же мысли и именно в аэропорту. Не странно ли? В Китае народу тьма-тьмушая, а чувство незащищенности среди себе подобных появляется почему-то здесь. Вдруг замечаешь, что нас очень много, что мы бессмысленный и агрессивный рой.

Отвык Эдгар от эмоций, полюбил уединение, равновесие, которое создает дивное согласие между человеком и внешним миром. Но здесь... кажется, здесь предстоит вернуться к хаосу.

– Это от того, что там мы жили в глуши, – дал объяснение его и своим впечатлениям он. – От цивилизации быстро отвыкаешь, потом еще и понимаешь: из того, что состряпано человечеством, тебе не нужно девяносто пять процентов.

– Опасная теория, говорю как доктор, – без причин рассмеялся Виталий, озираясь по сторонам. Наверное, он попросту рад встрече, потому улыбался и смеялся. – Ведет к добровольной изолированности, та в свою очередь – к шизе, а вот шиза тебя приведет в отдельную палату дурдома. Так что делай выбор в позитивную сторону. Да где же... Ага, вон и наш Алексашка.

С мрачноватой физиономией Сашка катил боком чемодан, придерживая второй рукой ремень спортивной сумки, висевшей на плече. Сбросив ношу у ног Эдгара, он подхватил чемодан и ворчливо пожаловался:

– Кидают абы как... Колесико отломилось.

– Может, поздороваемся? – предложил Виталий.

Не глядя на него (чемодан был важнее), Сашка протянул руку, пришлось вместо объятий ограничиться прохладным рукопожатием. Зная угрюмый нрав друга, который лишний раз не улыбнется и не откроет рта, Виталий не обиделся. Сашка очень, очень-очень серьезный товарищ. До того се-

рзезный, что иной раз становится похож на крохотную обезьянку, решающую глобальный вопрос – быть или не быть? – оттого смешную и отчасти нелепую. Виталий прозвал его Алексашкой, объясняя так: хотя бы в имя внести толику легковесности, а там глядишь – он станет проще, общительней, дружелюбней. Недаром же бытует мнение: как вы яхту назовете, так она и поплывет, однако яхта под именем Алексашка упорно не поднимала якорь, никуда не желая плыть.

– Нам туда, – указал Виталий в конец аэровокзала.

Закинув вещи в багажное отделение, друзья разместились в просторном салоне автомобиля. Александр плюхнулся на сиденье рядом с водителем, предоставив Эдгару на выбор места сзади. А тот мечтал смотреть в лобовое окно и постепенно вливаться в город, знакомясь с ним заново. Он не стал просить поменяться местами, нашел простейший выход: устроился посередине и подался корпусом вперед, уложив локти на спинки двух передних сидений.

Выехали на шоссе...

На парковой лужайке, окруженной кудрявыми кустарниками и деревьями, группа молодых разношерстных людей спорила о чем-то важном. Группа была разделена на две части, грубо говоря, на старших и тех, кому едва исполнилось семнадцать-двадцать. Причем первая группа из шести человек вела себя мирно, чего не скажешь о второй, правда, ребята еще не дошли до той стадии, когда наиболее убед-

тельным аргументом становятся кулаки. Хотя единственная и самая юная особа в их компании упорно провоцировала на конфликт, задираясь. Впрочем, делала она это не сознательно, а потому, что была плохой девочкой в общепринятом смысле. За спиной Майка чувствовала поддержку четверых парней, но не соизмеряла силы двух групп, конечно, в случае потасовки победили бы парни постарше, среди которых были и совсем взрослые.

– И чем это мы вам не нравимся? – тархтела Майка на высоких нотах, тараша наглые глазенки семнадцатилетней дурехи. – Что за дискриминация! У нас бабки не те? Или наши колеса вас не устраивают?

– Цыпа, тебе скока лет? – осведомился Звездин из старшей группы.

– Много, мальчик, много, – прищурившись, замурлыкала Майка. – Я хорошо сохранилась.

За ее неширокой спиной заржали пацаны, переглядываясь и подмигивая друг другу. Усмехнулись и те, что стояли напротив, но по-мужски снисходительно, не пряча усмешек, высокомерие из них просто выпирало, Майку это злило.

Внешне она едва дотягивала до подросткового возраста и походила больше на мальчика – женские прелести еще не выросли, может, никогда и не вырастут, но она надеялась. Майя отрастила волосы до лопаток и начесывала их нещадно, чтоб издали было видно: девушка идет. Мало помогало, потому что геи принимали ее за своего-свою. Майка нацепи-

ла на себя бижутерию: серьги до плеч, цепочки с подвесками, браслеты. Отказалась от брюк, а брюки так практично! Но чего не сделаешь ради идентификации с женским полом. Она натянула короткую юбку, для удобства – лосины, ведь в одной маленькой тряпке на бедрах ни сесть, ни наклониться нормально нельзя. В довершение замазала личико косметикой, теперь уж никто не спутает ее с пацаном, однако образ получился... мама дорогая! Но у Майки нет мамы, иначе родительница упала б в обморок, увидев дочь, и не очнулась бы никогда.

– Слышь, а права у тебя тоже сохранились? – впервые за время переговоров открыл рот Джидай, лидер взрослых. Описать его можно мизерным количеством слов: нос, сонные глаза, кудри ниже плеч и тело любителя пива.

Майка вытянула покрашенный рот трубочкой, соображала, как сказать, чтоб весомо было. Хотелось бы и остроумием блеснуть, но мозги находились в спячке, к тому же отсутствие чувства юмора у Джидая нарисовано на роже. Майка указала большим пальцем себе за спину на Федьку:

– Права есть у него.

Лучше правды ничего не бывает. А Федя для двадцати одного года выглядел здоровым, сильным, бесспорно красивым. Он стоял вплотную к девчонке, из нагрудного кармана кожаной куртки вынул права и потряс ими в воздухе, улыбаясь во всю ширину большого белозубого рта. Майка вызывающе прислонилась спиной к нему, подняла руки и обняла

его за шею, глядя на Джидая с торжеством.

– О’кей, – бесстрастно буркнул Джидай, что означало согласие. Группа Майки не спешила радоваться. – Предупреждаю: у нас все соблюдают правила, абсолютно все. Принципиально соблюдают. Надеюсь, это понятно? – Дождавшись кивков всех пяти голов, он продолжил, указав на Майку пальцем-сарделькой: – Я знаю, что она садится за руль. Если увидим...

– Понял, понял, – сказал Федя, показав ладони в перчатках без пальцев.

Джидай дал отмашку, и его группа как по команде удалилась. Один Звездин оглянулся, затем, сплюнув в сторону, спросил:

– Зачем нам эти сосунки? Джидай, тебе проблем мало?

– Проблемы будут, если эта наглая Килька пожалуется своему пахану, – проворчал тот. – Да и касса заметно увеличится, значит, и выигрыш. С них возьмем двойную таксу – вступительный взнос и на кон. Не переживайте, чуток поиграются и отвалят. А у нас останутся бабки.

Группа «сосунков» тем временем потирала руки, а Майка, взявшая на себя бремя лидерства, сжала костлявый кулачок и процедила:

– Yes! Мы их сделаем.

Дорога из аэропорта длинная, ровная, монотонная. Сократить ее легко – интересной беседой, но, мельком взглянув на дремавшего Сашку, Виталий усмехнулся: за многочасовой перелет у бедняги не нашлось ни полминутки поспать! Трогать его – нет, пускай лучше симулирует сон. Виталий, не отрывая взгляда от дороги, по которой они летели, втянул в диалог Эдгара:

– Как тебе удалось пробыть в Китае год? У меня мульти-виза с правом многократного посещения в течение года, но максимальное пребывание в стране все равно ограничено – не более девяноста дней.

– Да без проблем обошлось, – пожимая плечами и тем самым тоже выражая недоумение, сказал Эдгар. – Я просто получал разрешение... не знаю как.

– Могу объяснить твой феномен одним: везение.

– Эдгар, охота тебе вводить в заблуждение народ? – сонно промямлил Сашка с первого сиденья. – Какой феномен, где? Ты же давал уроки русского языка и с тебя пылинки сдували.

– Вряд ли это причина, – проговорил Эдгар тускло. – Нет, наверно... да... я просто везучий... кажется.

Когда о собственном везении говорят упавшим тоном, посещает тревожная мысль: не излечился. Но ведь все проходит со временем, это Виталий знал по себе и знакомым. Кста-

ти, года достаточно, чтоб любая боль утихла, посему тревогу он посчитал необоснованным беспокойством.

– Ну, как, освоил китайские практики? – поинтересовался Виталий с легкой иронией, лишь бы вывести друга из опасной задумчивости.

– С ума сошел? – засмеялся Эдгар. – Этим надо заниматься с детства. Моя задача была проще: я учился управлять собой. А ты? Освоил китайскую медицину?

– С ума сошел? – в тон ответил Виталий. – Этим надо заниматься с пеленок. Но тружусь, тружусь над загадками древних эскулапов, заодно изучаю человека, копаясь у него внутри. Сегодня вечером жду, Лариса обещала пельмени.

– Лариса? – проявил вялую заинтересованность Эдгар. – Кто такая?

– Ну, кто-кто... – многозначительно хмыкнул Виталий, бросив лукавый взгляд назад. – Разве я не говорил тебе, когда приезжал?

– И я рассказывал, – подал голос Сашка. – Но земные дела проходят мимо Эдгара, они же внизу, а он высоко над облаками витает.

Несмотря на скепсис, он точно охарактеризовал друга. Однако признать это – значит разрешить ему и в дальнейшем указывать на изъяны. Сашка страдает отсутствием чувства меры, да и с юмором у него напряженка. Тяжелый типчик. Если не в настроении – не подходи к нему, если высказывает точку зрения – чужое мнение не воспринимает, вспыльчив

и нетерпим, в общем, безнадежный максималист. И все же в этих проявлениях просматривается ребячье упрямство, видимо, в нем до сих пор живет дитя, а это уже... диагноз.

Борется с ним Виталий один, точнее, воспитывает, хотя с формированием личности безнадежно запоздал – Алексашке тридцать один стукнул. Четвертый десяток теперь только усугубит привычку быть истиной в последней инстанции, а нетерпимость превратит его в злобного карлика. Ростом он не вышел, физия тоже не ах – м-да, плоховато над ним потрудились. Глаза только и привлекают ясной синевой, но глубоко посажены, а за густыми ресницами их вообще сложно разглядеть.

Виталька другой, прямо противоположный. Успешен настолько, насколько хочет, а значит, ему подыгрывает судьба, дав возможность экспериментировать над собой. Эксперименты штука дорогая, если ими заниматься всерьез, но она же – судьба – подкинула папин карман, бездонный, надо сказать. Незаработанные деньги портят – всем известный факт, а Виталий исключение. И натура он цельная, не расплывается по пустякам, подчиняет хобби единственной забаве – медицине, но не ради тщеславия, нет. Ради любопытства и страсти к познанию! Остался последний пункт – внешность. Смугл, темный шатен, кареглаз, скуласт... Симпатичный, не более того, а тем не менее! Обаяние и доброжелательность кого угодно украсят, значит, Виталий почти идеал. К сожалению, в мире устроено так: если кому везет, то во всем, а о

том, что устройство несправедливо, знает даже школьник.

В салоне царило молчание, будто трем друзьям не о чем потрепаться. Так и подъехали к дому Эдгара, о чем напомнил Виталий:

– Твой подъезд. Тебя проводить?

– Я не инвалид, – выбираясь из авто, отказался Эдгар.

– Не забудь: вечером в восемь, раньше не получается.

– Помню. Буду.

Меж двух огней Эдгар – ледовый балласт. Одним присутствием он уравнивает беззаботную веселость Виталика и угрюмый нрав Алексашки. Смесь тевтонской и славянской крови дала отличный результат: утонченное и удлинненное лицо с упрямым ртом и таким же упрямым подбородком, высокий лоб, тонкий аристократичный нос, огромные и выпуклые светлые глаза, выдающие страсти человеческие. Страсти – да, они упорно преследуют его, в результате чего жизнь периодически мнет Эдгара безжалостно. Даже сейчас, спустя год, не пришла уверенность, что время начисто стерло черную страницу в его биографии. Несчастливцев – имя ему! Это несправедливо. Но такова его участь.

Эдгар вошел в дом и застопорился. Не хотелось ему вот так сразу попадать в знакомый подъезд со знакомыми запахами, это же первая встреча с прошлым, следовало впускать его в себя дозированно. Если бы Эдгар проявил мизерную нерешительность, Виталий обязательно поплелся за ним опекать морально, что было бы лишним. Нет, возврат жела-

тельно осуществить одному.

Что ожидал Эдгар увидеть или прочувствовать, застряв на первом этаже? Наверное, признаки перемен, к которым надо привыкать с первых шагов по пути в обитель на шестом этаже и которые отвлекут от навязчивых воспоминаний. Но здесь ничего не изменилось. Даже брошенная пивная банка валялась на прежнем месте, будто Эдгар отсутствовал сутки. О нет, различие есть: банка валялась не в одиночестве, в углу стояла вторая.

На этаж он поднялся пешком, очутившись в прихожей, хлопнул дверь и снова замер, всматриваясь в полумрак. Замер, словно потревожил хозяев, и теперь ждал, когда раздастся певучий голос в нижнем регистре: «Эдгар, ты?..» Он слышал свой ответ, но не здесь и не сейчас...

– Нина!.. Где ты?.. – повторял Эдгар, заглядывая в клетушки-комнатушки на втором этаже.

Непонятно гудело. Гул нарастал. То ли ветер пробовал на прочность дачный поселок, то ли провода разрывало электрическое напряжение, а может, сама земля трещала по невидимым швам, освобождаясь от оболочки. Дрожал деревянный дом, обещая вот-вот рассыпаться.

А кругом пусто, пусто... мертво...

Лишь обостренное чувство опасности парило над ним, словно химера, спаянная из фантастичных образов больного воображения. Это было так же ощутимо, как если бы об ноги

терлась кошка или струилась бы по телу вода. Преодолевая желание убежать от адского образа, он лихорадочно искал Нину в доме. И не находил! Она же не игрушка, затерявшаяся среди вещей, а не находил...

Не игрушка, но игрушечная. Ее будто слепили из воска, раскрасили пастельными красками и оживили. Лежала она, можно сказать, под ногами, как надоевшая, небрежно брошенная кукла – внизу у лестницы. В белом ночном платье до пят с тонкими розовыми оборками и вышитыми цветным шелком цветочками на груди. Это невозможно, но, помчавшись наверх, он не заметил ее! Переступил через нее! А увидел, когда сбегал вниз.

Свет... Точно-точно! Всполохи света плясали за окнами под равномерное гудение. Поэтому увидел ее Эдгар, а раньше всполохов не было, раньше темнота хозяйничала в дачном доме.

Ее кукольные глаза, широко распахнутые, смотрели с удивлением. Будто весь мир впервые открылся ей сию минуту, поразив необъятностью и разнообразием, а до этого она жила в темном подземелье. Лежа на собственных волосах, рассыпанных по светлому полу и отражающих желто-красные всполохи, она, казалось, сознательно выбрала пол вместо кровати. И руки раскинула, словно только что прилегла, слегка потянувшись... но вдруг увидела что-то на потолке! Почудилось, ее приоткрытые губы вот-вот произнесут единственное слово, оно будет восторженным – ах!

Эдгара отвлекла огромная тень. Она выросла так внезапно, всего в нескольких шагах от лестницы, и плыла к нему, преодолевая барьер из горячего воздуха между ними...

3

На бегу Алла одевалась, причесывалась, подкрашивала губы – фантастика, но она умудрялась делать все сразу. Заваров, напротив, разлегся на кровати, скрестил ноги, закинул руки за голову и с упоительным спокойствием наблюдал за скачками по спальне, рассчитанной, как минимум, на десять человек.

– Не понимаю паники. Майка не жена, а дочь, – напомнил он.

– Ну и что! Приходит девочка домой, а в постели отца баба лежит! Это неприлично... и вульгарно... Фу!

Он человек продвинутый, независимый от всяческих морально-нравственных предписаний, придуманных для безмозглых баранов на двух ногах. Прилично-неприлично... Заваров зверел, когда его пичкали благопристойностями, но Алла несколько потеснила креативные установки в его мировоззрении. Он, разумеется, не поменял убеждения благодаря ее влиянию – нет, ведь так не бывает. Просто Заваров Геннадий Вадимович, человек-монополия, на Аллу имел виды. Она потянулась к серьгам и браслетам на тумбочке, в этот момент Заваров поймал ее руку и насильно усадил на кровать, так как созрел кое-что объявить:

– Неприлично, говоришь?

– Конечно! – фыркнула Алла, мол, не прикидывайся ду-

раком. Вырвав руку, она принялась вставлять в уши серьги. – Тем более мой Федька придет. Не хватало, чтоб застучал меня... Кошмар!

– А что мешает нам обставиться приличием?

– В смысле?

– Давай распишемся. И ты на законных правах будешь лежать на этой кровати, – ударил он ладонью по постели. Ударил властно, дескать, к ноге!

Алла не ждала подобной экстравагантности, на миг замерла, приподняв смоляные брови и приоткрыв распухший от поцелуев рот. На ее лице мелькали тени разнообразнейших эмоций, кроме... радости! Словно она и мысли не допускала, что вариант с женитьбой возможен. Нет, мысль-то допускала, но что этот вариант никогда, ни при каких обстоятельствах невозможен. Зачем это ему?! Или, как говорит Федька, на фига#? Пауза длилась с минуту, а это шестьдесят секунд, довольно-таки долго, наконец Алла потрясенно вымолвила:

– Гена, ты заболел?

– Я здоров как никогда. А что не так?

– Твое предложение, – произнесла она взвинченно, как человек, которому приказано лететь в космос, а он абсолютно не готов к этому.

Заваров опустил уголки губ вниз, мол, не понял вашу реакцию, мадам. А следом подумал, что от счастья Алла сама не своя, да и не в ее традициях сразу кидаться на шею. Она и подарки принимает, будто одолжение делает, а он дарит,

между прочим, не паршивенький букетик. То есть букетик тоже, но в довесок. Однако пора было подтвердить эпохальное решение:

– Тебе не надоело прятаться? Нет, было бы от кого! А то от моей дочери и твоего сына. Второй аспект: мы оба свободны, ни мужей, ни жен не имеем, так в чем проблема?

Да-а... теперь уж точно проблема! Алла растерялась. Но в жизни ей приходилось и не такое бедствие переживать, она нашла наиболее убедительный аргумент для тех, кто без спроса надевает чужой нимб:

– Мужчины твоего положения женятся на юных красавицах, длинноногих топ-моделях. Это модно... и... и очень престижно!

– Ага, чтоб эта модель изменами поливала мои рога для лучшего роста? А я чтоб пристрелил ее за ветвистую рощу на моей голове? Мне не нужна тупая и продажная телка, с которой поговорить не о чем, мне нужна ты.

– Но я тоже... не слишком... разговорчива. У меня же нет высшего образования! Гена, тебе, наверное, неизвестно, сколько мне лет. Скоро исполнится сорок шесть! (Скоро – это через восемь месяцев.)

Заваров потихоньку заводился, ибо поведение невесты по меньшей мере странноватое. Он привык к полному подчинению, потому что его решения всегда разумные, практичные, бесспорные. Ведь все просто: люди или подходят друг другу, или не подходят, они с Аллой подходят – так он решил.

– А мне сорок девять, ну и что? – сказал. – Я урод? Или кто?

Пф! Куда там – урод. Для кого-то он заповедная мечта: богатый – раз, богатый – два, богатый – три! При таких достоинствах разве важны приложения из внешности, характера, возраста, образования? И это счастье в прямом и переносном смысле воспылало желанием сочетаться с Аллой законным браком! Он правильно понял паузу, взятую ею на раздумье:

– Ты не хочешь за меня замуж?!

– Нет. – Вырвалось нечаянно. Язык опередил разум, как часто бывает у глупеньких женщин, но Алла быстро опомнилась: – Не знаю... я просто не думала об этом. Кажется, хочу...

– И я хочу. Всегда тебя хочу.

Он потянулся скрепить договор поцелуем, Алла не ответила ему тем же, не разрыдалась от восторга и счастья. Ее замороженное состояние озадачило Заварова:

– Что еще не так?

– Неожиданно, знаешь ли... Гена, я могу хотя бы для вида подумать?

– Можешь. Ровно неделю кидаю тебе на «подумать».

– Почему неделю? Почему не меньше или не больше?

– Посчитай: сегодня пятница, а в следующую пятницу мы расписываемся – выходит неделя. После бракосочетания запланирован торжественный ужин, я уже договорился, опла-

тил услуги и пригласил гостей. Тебе осталось позвать подружек.

То есть от ее «хочу – не хочу» ничего не зависело и не зависит! Мило. Алла не стала спорить, теперь ей нужно хотя бы полдня, чтоб осмыслить каприз Гены, она живо подхватила, потребовав:

– Проводи меня, но сначала оденься, а то в халате... неудобно будет перед детьми, если вдруг... Они уже не маленькие.

Как ни странно, а ее просьбы он выполнял охотно. Правда, когда дело коснулось кардинальных перемен, тут Гена «обо всем договорился и оплатил», не спрашивая мнения Аллы. М-да, ситуация...

* * *

Случалось, и Виталия, человека весьма терпимого, раздражал комок необоснованной спеси по прозвищу Алексашка. Причина раздражения крылась в молчании. Не виделась две недели, он был заслан в Китай с заданием, так неужели нечего обсудить? При Эдгаре понятно, почему впадает в спячку: между ними давно пробежала черная кошка, приняв образ феи с ангельской мордашкой, золотистыми глазами, которые выгодно оттенял водопад волос шоколадного цвета, и чарующим голосом солистки Ла Скала. К оперным дивам она, конечно, не имела отношения, но у всех складывалось

впечатление, что золотистоглазая кошечка не говорила, а пела. Ох, бабы, бабы... во всем они виноваты, абсолютно во всем, сетовал про себя Виталий.

– Не выспался? – завязал он диалог.

– Самолет не самое удачное место для сна, – проворчал Сашка. – К тому же мы летели с пересадкой, это очень неудобно.

– Тебе нечего рассказать?

– Да все нормально, если ты имеешь в виду Эдгара. Он бодр, спокоен, выглядит на все сто, в опекунах не нуждается. Ты напрасно беспокоился.

– Меня сейчас больше беспокоишь ты.

Сашка приоткрыл один глаз, им и покосился в сторону Виталика, нехорошо покосился, с намеком. Но интонацию не окрасил враждебностью, как это зачастую бывает, когда наступают на его главную болевую точку, которую еще называют любимой мозолью, – на самолюбие:

– С чего это?

Виталий избрал единственно верный способ общения с ним – о серьезном говорить несерьезно:

– Ты не бодр, не спокоен, не выглядишь на все сто и кажешься нуждающимся в опекунах.

На языке вертелось еще одно словцо с частицей «не» – не добр. И это, к сожалению, правда. Но звание гомо сапиенса обязывает контролировать орган без костей, ведь «не добр» в трактовке молчуна будет оскорблением, а друзей, особенно

с придурью, грех обижать. Сашка, однако, и тут промолчал, а это тревожный симптом. Нет, сегодня контроль ослаб, ведь и Виталию ничто человеческое не чуждо, он вспылил:

– Ты недоволен, что я заставил тебя поехать в Китай?

К слову, и все расходы оплатил, полагая, что Сашке тоже не помешает пройти краткий курс китайской терапии.

– Еще как доволен! – хмыкнул тот. – Где б еще я спал на матрасе и прямо на глиняном полу, как в Средневековье? А где отыщешь на земле закуток без электричества и газа? Где б еще исхудал, поедая один рис и неизвестно какую живность на гарнир?

Виталий будто не заметил злого сарказма:

– А я надеялся, учитель Чэнь Лао поможет и тебе обуздать... м... темперамент.

– Мне с моим темпераментом и так хорошо.

– Угу. А другим не очень.

– Ну, знаешь! – возмутился Сашка, ибо Виталий не только попал на мозоль, но и потоптался на ней. – Скажи, зачем ты вернул Эдгара? Человек там прижился, кайфовал, сидя часами в медитативной позе и поедая баланду. Спускался с гор и пешком добирался в городок – по нашим меркам мегаполис, учить русскому. Его никто оттуда не гнал, он был счастлив! Тебе же понадобилось отобрать у него счастье с моей помощью. И меня отправил, как в тюрьму, – на матрас. И на две недели! А это, между прочим, мой отпуск, к тому же я не знаю даже английского.

– Учи языки, склероза избежишь в старости, – дал совет Виталий.

– Ты заставляешь всех жить по твоему хотению, что противоречит... э... гуманности. Где право выбора, м? Где оно?

– Рано или поздно все начинают тосковать по дому. Представь, вернулся б Эдгар годика через два-три, что его ждало бы? Новая адаптация? А работа? О нем же скоро забудут! Нет, мы с тобой (Виталий намеренно взял его в пособники, чтоб поменьше слышать несправедливых упреков) правильно поступили. Эдгару пора жить дальше, но здесь, в среде, где он вырос и устоялся, пора вернуться к работе, личной жизни...

– Ой, сколько заботы! Он тебя об этом просил?

– Друзей не просят. Год назад я опасался, что Эдгар не сможет пережить обстоятельства. Как сказал психиатр, его эмоционально-волевая сфера серьезно пострадала. Я отвез его к старику Чэнь Лао, он же погибал, мне его было жаль.

К сожалению, Виталий не догадывался, что внутри Сашки целое хранилище обид, реакция и удивила, и пробудила частицу сострадания:

– А меня не жаль? Почему, когда она ушла к нему, вы все до одного делали вид, будто ничего не произошло? Будто всегда так было, почему?

М-да, вопросы, выстраданные и не убитые образцовым лекарем – временем. Наверное, его, времени, было маловато. А в ответ сказать нечего, чтоб убедить: злого умысла против

тебя не было ни у кого. И ведь действительно не было. А как следовало поступить тому же Виталию? Устроить обструкцию парочке, прогнать, заклеить позором? Двое встретились, между ними вспыхнула искра, им было плевать на общественное мнение. Главное: они же не разрушили семьи, не бросили сопливых детишек, чтоб на влюбленных взвалить груз порицания. И Сашка принял перемены достойно, как подобает взрослому мужчине, если не считать охлаждения к образовавшейся парочке, что естественно. Но помнись столько времени, когда память следовало давно подчистить и примириться с утратами еще до той страшной ночи, – это смахивает на затяжную болезнь.

– В тебе достаточно сил понять и простить, – убежденно сказал Виталий, полагая, что после столь лестного отзыва Сашка притихнет. – Эдгар более тонко устроен, чем мы с тобой, ему нужна помощь и сейчас, и тогда. Он слишком любил ее, чтобы справиться с потерей в одиночку.

Не помогла лесть. Видимо, прошлые обиды в Китае обострились при близком контакте, когда один вид обидчика, ежеминутно мелькающий перед носом, вызывает бурю негатива.

– Я любил ее не меньше! – огрызнулся Сашка.

– Может, даже больше, – излучал миролюбие Виталий. – Но ты другой. То, что сможешь ты, не сможет он, я, Вася, Петя... И наоборот: что дано мне, не под силу тебе. В конце концов, пойми хоть сейчас: это был ее выбор, ее! Извини, запретить ей спать с Эдгаром никто не вправе был, да и не

смог бы.

– Если б она была в ту ночь со мной...

– Ничего ты не сделал бы, Ялишаньда.

– Не обзывай меня по-китайски! Сыт я экзотикой.

Виталий остановил машину у въезда во двор многоэтажек, но не дал выйти Сашке, придержав его за руку:

– Ты сам согласился поехать, что же случилось за это время?

Тот отвернулся к окну, наверняка пожалев о минутной слабости, свойственной всякому эмоциональному человеку, теряющему в пылу контроль.

– Сам не знаю... – снизил тональность Сашка. – Посмотрел, как он кайфует в покое, как радуется мелочам, в то время как она...

– Зря заводишься. Эдгар не виноват, что так произошло. Я не думаю, что он наслаждался покоем, просто следовал методикам старика Чэнь Лао. Алексашка, не растрчивай себя на то, что невозможно вернуть, это путь в никуда. Ладно, выметайся. Не забудь, вечером ждем тебя.

Сашка забрал чемодан из багажного отделения, но не спешил нырнуть в арку, соединяющую многоэтажки. Он возился с колесиком, которое не починить вот так, на ходу. И Виталий не уезжал. Он же неплохой психолог, понял, что злой мальчик не сказал последнего слова. Угадал! Сашка вернулся и, наклонившись к окну, спросил с понятным только ему подтекстом:

– Не боишься, что Эдгар отнимет у тебя Ларису?

– Чему быть, того не миновать, – отшутился Виталик. Но чтобы привести парня в чувство, добавил уже без иронии: – Сними маску, а то прирастет. И тебя будут воспринимать точно так же, как ты думаешь о других. Уверяю, тебе это не понравится.

– До вечера, – буркнул Сашка на прощание.

Да-а... Надо обладать терпением и выдержкой Виталика, чтоб не послать его, как говорится, далеко-о-о... Хотя данный орган ближе, чем кончик носа, по которому иногда тоже хочется заехать кулаком.

Из черного небытия вернул его запах земли. Это особый запах, его ни с чем не спутаешь. Он густой, пахнет травой, дождем, прелыми листьями и брызгой, наполняет жизненными соками тело, когда его вдыхаешь.

Эдгар открыл глаза. Увидел над собой перепуганную красную физию соседа с усами, казавшимися проржавевшими, и безумно вытаращенными бесцветными глазами. Осознав, что лежит на спине, Эдгар вдохнул полной грудью, как бы проверяя свою способность дышать. Выдохнул так же глубоко. И вдруг осмыслил потерю памяти, она обрывалась в доме. А почему она оборвалась – не мог вспомнить, это его беспокоило.

Он резко сел. Огляделся. Взгляд уперся в горящий дом на фоне то ли сумеречного неба, то ли рассветного. Действи-

тельно, было непонятно: рассвет или закат, закат или рассвет... Собственно, разве это важно?

Преодолевая боль и собирая оставшиеся силы, Эдгар с трудом поднялся на ноги, хотя его уговаривали полежать до приезда медиков две заполошнные женщины, они хватили за руки, что-то кричали. Он молча отстранил их и шагнул к дому.

– Нина! – с трудом выдавил Эдгар, отчего-то голос не шел, а как будто застрял где-то в горле.

Бледные и прозрачные языки пламени истерично лизали деревянные стены и окна, охватив второй этаж. Эдгар вспомнил, что он был внутри дома. Память вернула ему и Нину, он увидел ее на полу у лестницы, огляделся, лихорадочно и нервно топчась на месте... Нины не было. Значит, она там? В горящем доме?!

Он ни секунды не думал, когда кинулся к дому. Некогда было думать, ведь там, внутри – Нина. Его схватил сосед. Эдгар почувствовал, как клещи сжали предплечья, почудилось, кости затрещали в этих трудовых лапах. Он дернулся раз, второй...

– Куда ты! – услышал. – Туда нельзя!

– Пусти! – зло, с надрывом закричал Эдгар.

– Стой, стой, парень! Возьми себя в руки...

– Там Нина! – заорал Эдгар ему прямо в лицо. – Она сгорит! Уйди!

Сосед не отпускал и что-то силился сказать, наверняка

какую-нибудь глупость в духе благоразумных людей. Эдгар не желал быть благоразумным, не желал подчиняться. Но почему-то был слаб. А мужик достал его тем, что говорил и говорил, широко открывая рот, возможно, кричал – Эдгар отключил слух. Он собирал ненависть к нему, чтобы приложить все возможные силы и с ревом разъяренного зверя оттолкнуть... Когда тот упал, Эдгар бросился в горящий дом.

Цветы на подоконнике не зачахли, но и не разрослись. За ними явно ухаживали, когда вспоминали. Должно быть, случилось это редко, потому остались они в прежней поре, будто не прошло года. Растения в горшках и вернули Эдгара назад, в настоящее, – ими же занималась...

Вернув, выгнали его из дома, хотя до обещанных пельменей еще далеко. Провести это время на шестом этаже в комнате, укрытой слоем пыли и между воспоминаниями из серии кошмарных снов, не было желания.

Эдгар шел... никуда. Он бессознательно шел. Но сознание его было занято, оно же никогда не бывает свободным.

Итак, все в прежнем виде. Даже цветы в горшках, только в этой неизменности отсутствует главное звено. Но и отсутствие относительно. Нины нет, одновременно она есть, напоминают о ней не только цветы на подоконнике – эта аллея, по которой он шел, улицы, старые выщерблены в асфальте. И сколько бы ни прошло времени, чем бы Эдгар ни занимал себя, как бы ни абстрагировался от тех минут, а из сердца

и памяти их не вырвешь. Вот и причина, по которой не хотелось возвращаться домой: он вернулся к боли. Всплыла и цель, от которой оторвали Эдгара, заставив уехать год назад. Но раз он вернулся к прошлому, то... Эдгар выбежал на проезжую часть, выставил руку.

Частник домчал за считанные минуты. Однако перед Эдгаром красовался другой фасад здания, другие двери с окном, а в окне... не то, совсем не то.

Он поднялся по ступенькам, выложенным полукругом, не догадавшись посмотреть на вывеску. Без сомнения, Эдгар сегодня сильно тормозил. Он мечтал не только встретиться с прошлым, но и получить ответы. Ответы должны быть у человека по фамилии Ганин, раньше он работал здесь.

Попал Эдгар в крохотный магазин косметики, в котором продавалась и бытовая химия, в нос бил смешанный ядовитый запах цветочных ароматов и стиральных порошков.

– Слушаю вас, – подошла к нему продавщица с унылым лицом.

– Здесь было детективное агентство... – сказал он взволнованно.

– Первый раз об этом слышу. Мы заселились сюда три месяца назад, до этого хозяйка делала ремонт, а кто до нас здесь был...

Женщина улыбнулась вымученной улыбкой, пожав угловатыми плечами и явно сожалея, что не может помочь красивому молодому человеку. А Эдгар уж и забыл про нее, как

забывает обо всем, что ему неинтересно или не пригодится ни сейчас, ни в будущем. Он вышел на улицу. Постоял, раздумывая, в какую сторону двинуть, что, в общем-то, теперь все равно. Побрел направо.

Эдгар попал во власть разочарования и не всматривался в антураж осени, озабоченных прохожих, новые черты города, которые за время его отсутствия все-таки появились. Они проплывали мимо, как голографическая картинка, не имеющая ничего общего с действительностью. Некуда было торопиться, поэтому шел он прогулочным шагом, пока не попал в парк. Только здесь обратил внимание, что листва горит всеми оттенками от желтого до красного, а теплые октябрьские дни, показавшиеся ему с непривычки холодными, обещали продлиться до бесконечности. Эдгар присел на край скамейки и засмотрелся на желто-красные пятна в кронах деревьев, резко контрастирующие с небосводом, слепившим глаза холодной синевой. Все эти красоты северного края навязчиво склоняли к минорному настроению, а должно быть наоборот. Он вернулся. Вернулся, главным образом, к себе, что сделать было значительно сложнее, чем просто переехать из пункта «А» в пункт «Б».

4

Огонь случайно заметил сосед Смирнов, вышедший «до ветру», ведь большинство дачных домиков не имеют и самых примитивных удобств. Он разбудил жену и сына, велел им поднимать всех, кто есть по соседству. Сам же смочил полотенце водой, закрыл им нос и рот, завязав концы сзади, и ринулся в горящий дом. Смирнов знал: там полно людей, они спят.

Тела увидел в большой комнате. Не задумался – почему они лежат на полу, не до того было. Он бросился на помощь. Света было достаточно, чистые (не задымленные) языки пламени заглядывали в окна, даря свет тем, кто внутри. Но и жарко было до чертиков, Смирнов понимал: нужно торопиться.

Он перевернул на спину жену Плещеева, довольно крупную и красивую женщину. Перевернул, чтоб взять под мышки и вытащить из дома, но кровь на ней его остановила. Женщина словно приняла ванну, наполнив ее кровью, а вытереться полотенцем почему-то не посчитала нужным. Смирнов не растерялся, рванул ночную сорочку на груди и приложил ухо, пытаясь услышать толчки сердца. Тицетно. Она была мертва.

Рядом лежало тело ее матери, интеллигентной старушеницы, вечно цепляющейся к Смирновым по разным пово-

дам. Из-за старой заразы он терпеть не мог всех интеллигентов на свете, у них же претензий полно даже к Господу Богу. Она лежала на боку, Смирнов только взял ее за плечо, старуха легко перевернулась на спину...

– Ё!.. – отшатнулся он.

Бабка мертва! И в крови, как дочь. Смирнов поднялся на ноги, осматривая пекло и тихо бормоча в ужасе, который с трудом преодолевал:

– Да что за хрень?.. Что тут произошло? – И закричал что есть сил: – Эй!.. Есть кто-нибудь?.. Алё!..

За окном истерично завизжала его жена:

– Ефим! Выходи оттуда! Ефимушка-а-а!..

В этот миг он увидел кучу малу у лестницы. Наверняка все мертвы... А если не все? Нельзя отмахиваться и от единственного шанса, который можно подарить живому. Не посмотрит – совесть потом жить не даст.

Подбежав ближе, Смирнов приостановился на несколько секунд, всего на несколько, чувствуя, как по коже бегут мурашки, добегают до головы и сплывают между волосами. Но кого не шокировала б адская картина, освещаемая пляской красно-оранжевых бликов?

Племянница Плещеева Нина лежала на полу, глядя вверх широко раскрытыми, пустыми глазами. И улыбалась! Она была похожа на ведьму, наконец попавшую по назначению: в преисподнюю. Конечно, помощь ей не нужна была. Друг Нины Эдгар – вежливый парень, валялся на ступеньках с за-

крытыми глазами. А на нем лежал хозяин дома Плещеев... с ножом в спине по самую рукоятку. Но разве не бывает чудес? Однако на чудо уже не оставалось времени, тут самому бы спастись, тем более снаружи раздавались мужские и женские голоса:

– Ефим!.. Вали оттуда!.. Сгоришь заживо, дурак!..

Смирнов не верил, что сгорит, не верил и все тут! Ну, дым вползал в дом плотным облаком, заполняя комнату, а огонь-то пока снаружи. Однако дым уже проходил и через «маску», Смирнов закашлялся. Отвалив тело Плещеева, он в сердцах выругался. Это не дом, а приют мертвецов. Еще один труп! Кто ж так постарался?

Остался парень. На его волосах Смирнов заметил кровь, значит, тоже... Но, освободившись от тела Плещеева, парень сполз по ступенькам ниже и неожиданно застонал. Никогда Смирнов так не радовался, никогда! Он взвалил Эдгара на плечо и потрусил к выходу, словно старая кляча.

Снаружи на пламя лили воду из ведер, да народу было маловато, огонь побегдал. Пожарных вызвали, «скорую» тоже. Смирнов, уложив Эдгара на траву у ограды, приводил парня в чувство, похлопывая по щекам. Угарный газ штука коварная, не успеешь оглянуться – каюк человеку. Какая-то девчонка принесла воды в ковшике, он плеснул Эдгару в лицо, тот облизнул языком губы, открыл глаза. Смирнов бросил спасенного им парня, теперь он мог дать советы самодеятельным пожарникам:

– Вы что! Дом все равно сгорит! Справа лейте, мать вашу, справа! Не дайте перекинуться на соседний участок! Мужики! Кто-нибудь, газ перекройте, а то рванет! – И наклонился к Эдгару: – Ты как, парень?

Молодой человек, окончательно придя в себя, пополз на четвереньках к пожарищу.

– Э! Э! – повалил его на спину Смирнов. – Куда ты, дурья твоя башка?

– Нина... – выговорил Эдгар. – Она там...

– Не, не... – удерживал его Смирнов. – Не надо туда...

– Пусти! – гаркнул Эдгар, оттолкнув его и поднявшись на ноги.

Его шатало, но он рвался в пылающий дом. Смирнов объяснял парню, что девушка мертва, что он убедился в этом лично. Не помогало. Вероятно, Эдгара сильно по голове долбанули, мозги от черепа отскочили, он не понимал слов. И вырвался. Когда идиот скрылся в доме, народ превратился в столбы, забыв о своих прямых обязанностях.

– Всем стоять! – заорал Смирнов, хотя за идиотом никто не кинулся. Тут же он отдал другой приказ: – Всем тушить пожар! Воды! Я сказал, лить воду...

И крепкое слово раздавал направо-налево, а то и руками помогал, толкая к пожарищу «обесточенных» соседей. Смирнов заставил их работать, будто живой человек не ушел в пекло. Украдкой они поглядывали на дом, надеясь, что деревянное строение не обрушится парню на голову, он

выйдет оттуда целым и по возможности невредимым. А если не выйдет – как жить? Как потом есть-пить, веселиться, зная, что лично ты и не пытался предотвратить смерть в огне? Впрочем, об этом еще никто не думал, просто людям было страшно.

К всеобщему облегчению, Эдгар появился с Ниной на руках. Он дымился, как тлеющее бревно, но на первый взгляд не пострадал от огня. Длинные волосы Нины не пыхнули, что само по себе странно, а загорелся подол ночного платья. На молодых людей вылили по ведру воды, чтоб хоть немного охладить их, Эдгар закашлялся, причем без остановок, с хрипом и стоном. Он вынужден был опустить девушку на землю, упал рядом на четвереньки и не мог остановить приступ кашля. Женщины хлопотали вокруг Нины, полагая, что кровь на ней – результат неосторожности, девочка поранилась.

– Встать! – рявкнул Смирнов. – А ну обе пошли! На пожар! Тушить!

– Охренел? – огрызнулась пятидесятилетняя тетка. – Девчонка без чувств...

– Встать, я сказал, дуры! – осатанел он. – Я сказал, на пожар!

Его свирепость внушила им покорность, обе подчинились приказу, проявив идеальное послушание. Тем временем Эдгар, еще кашляя, подполз к Нине, приподнял ее за плечи, обнял, шепча какие-то слова, которые за гудением огня невозмож-

но было расслышать. Впрочем, до Смирнова иногда долетало имя, которое он повторял:

– Нина... Ниночка... Как ты?.. Ну, скажи, скажи...

А она действительно, до жути, производила впечатление живой. Ее глаза смотрели в рассветное небо... и улыбка... Нина улыбалась явно Богу.

К приезду пожарных дом основательно подсушился. Пока разворачивали шланги, а пожарные работали с реактивной скоростью, дом пыхнул так, словно где-то внутри открылся газовый поток, взметнувшийся вверх. Обессиленные дачники опустили на землю и без эмоций наблюдали, как пожарные вступили в схватку с огнем, не давая ему распространиться.

Приехала «скорая», тут-то и начались новые проблемы. Эдгару не могли объяснить, что девушка мертва, он не понимал и не давал санитарам забрать ее. Да и сам нуждался в медицинской помощи, медикам удалось схитрить, мол, поехали вместе с ней, в больнице разберутся, кто жив, а кто... нет.

– Вот такая история, – закончила Лариса рассказ, раскатывая из теста крошечные лепешки.

На просторной кухне свободного места не было – кругом одни пельмени и все от пола до потолка засыпано мукой, как на мукомольном заводе. Временно девушки превратились в рабочих, штампующих русско-китайское националь-

ное блюдо. Валя лепила пельмешки чуть крупнее горошины – так потребовал Виталий, руководивший процессом, время от времени заглядывая на кухню. Она очень старалась. Работа безумно нудная, а рассказ – из области фантастики, поэтому Валя, открыв ротик, замирала, в конце спросила:

– А почему всех убили?

– Преступление не раскрыто, – ответила Лариса. – А Эдгар в рубашке родился. Когда Плещееву, дяде Нины, воткнули нож в спину, тот упал на Эдгара – это официальная версия. Я думаю иначе. Эдгар помнил себя только с того момента, как очутился внизу, а спальные места располагались наверху, выходит, он спустился. Эдгар слышал гул...

– А что гудело? – осведомилась Валюша.

– Огонь. Когда горит обширная площадь, то гудит, будто в трубах гуляет ветер. Я считаю, Эдгара ударили во время сна наверху, он потерял сознание. Убийцы, увидев кровь, подумали, что убили его, и подожгли дом. А Эдгар очнулся. Плещеев, будучи еще живым, накрыл его своим телом, спасая от глаз убийц. Оба упали на лестницу, Эдгар снова потерял сознание. Моя версия логичнее, не находишь?

– Угу. Неужели ничего не помнит? – вытаращила глазницы Валя. – Что, как в кино? Амнезия? Она же проходит со временем.

Ее жизнь с пеленок была похожа на вялотекущую шизофрению: одно и то же, одно и то же – тут у любого человека мозги склеятся. Потому необычные истории даже о посто-

ронных людях, которых она узнала заочно, воспринимались Вале́й чуть ли не эпосом.

– Не совсем так, – сказала Лариса. – Ему снился сон, будто он искал в темном доме Нину. Полагаю, это не сон был. У него частичное отключение, это называется стационарной амнезией, то есть потеря памяти на какие-то события не меняется. К сожалению, медицина бессильна в данном случае.

– Может, хорошо, что не помнит? – задумалась Вале́ша, сочувствуя молодому человеку. – Все-таки зверское убийство...

– По мнению следствия, а в группу входили и врачи-психиатры, ему нечего вспомнить. Но он упорно заставлял память проснуться, Виталий испугался за него и отвез в Китай к своему учителю. Тсс, слышишь? Идет шеф-повар!

– Как справляемся, девочки? – заглянул в кухню Виталий.

– Мы тут зачали, – напустилась на него Лариса. – Ну-ка, становитесь к конвейеру, уважаемый, мы с удовольствием поделимся с вами трудностями. Вале́ша, поддержи меня.

Виталий поставил руки на пояс и повернулся к девушке, мол, кто тут вздумал жаловаться? Вале́я замаялась, не хотелось ей обижать хозяина-узурпатора. Видя ее затруднения, он пошел навстречу:

– Все претензии – в письменном виде, я разберу позже.

– Виталик! – застонала Лариса. – Сколько мы будем их лепить?

– А правда, почему они такие малюсенькие? – позволила

себе спросить Валя. Только спросить! Без жалобной интонации, а ведь ее пальчики уже потеряли чувствительность.

– Китайские пельмени – это не просто еда, – принялся просвещать темных дам Виталий. – Это символ! Объединения и крепости уз. Символ богатства, благополучия, удачи. Их едят в первые часы нового года – всей семьей лепят, а потом всей семьей едят. Знаете, сколько видов в классических китайских пельменных? От ста до двухсот!

Продолжив лепить мелюзгу, Валюша присвистнула:

– Фью!.. Надо съездить в Китай, чтоб убедиться.

– Да, да, да! А вы делаете королевские пельмени, это...

– Пытка, – прищурилась Лариса. Она тоже подбоченилась и наступала на него. – Тут обычных пельменей хватит, чтоб накормить дивизию, зачем еще и бусинки лепить?

Выставив перед собой руки, Виталий отступал, но говорил шутливо, нет, он насмехался:

– Я же с прицелом! Все, что не съедят гости, останется нам, мы с тобой используем чужой труд.

– Вот как! – ахнула Валя. – Тогда я с собой заберу свой труд, ладно?

Виталий поймал Ларису, обнял и сообщил:

– Девочки, милые, придут еще Жанна с Вовкой...

– Что, что, что? – Лариса убрала его руки и вознегодовала: – Жанна?.. Алексашка, еще и Жанна?! Ты хочешь испортить вечер, да?

Он и не думал оправдываться, а взял из вазы яблоко и

вонзил в него зубы. Безусловно, Лариса прочно обосновалась на лидирующих позициях в доме будущего мужа, Виталий сдал их без боя, но что касается друзей, тут он непреклонен.

– А кто такая Жанна? – разрядила обстановку Валя.

– Кобру живьем видела? Это и есть Жанна.

Характеристика Ларисы вполне удовлетворила Валу, но Виталий! Он же провокатор, не преминул разогреть недовольство Ларисы:

– Кобра?.. Ммм, пожалуй. Она величественная и прекрасная, гибкая и упругая, она бесстрастная и бесстрашная...

– ...но смертельно ядовитая, – минорно закончила Лариса. – Вот-вот, портрет Жанны.

Видя, что у нее пар вышел, а к мысли о нежеланных гостях она уже привыкла, Виталий положил руку на плечи Ларисы, упрекнув ее:

– Ты несправедлива. Жанна очень красивая...

– Красота не повод жить с женщиной, которая близка к тяжелому заболеванию из-за чрезмерного употребления алкоголя. Вот увидишь, Валя, она прилипнет к стакану и бутылке.

– У всякой безупречности есть изъян, – нашелся Виталий. – Девочки, работайте, а я позабочусь об истине. Как говорили древние – истина в вине!

Чмокнув Ларису в уголок губ, он ушел, напевая и предоставив девушкам свободу, ведь в его присутствии они не посплетничают. Действительно, стоило ему закрыть дверь, Ва-

ле потребовалось немедленно утолить любопытство:

– Кто они такие – Жанна и этот...

– Бородин, – подсказала Лариса, укладывая готовые пельмени на поднос. – Это ее семья погибла при неизвестных обстоятельствах и сгорела.

– Но ты говорила, погибла вся семья.

– Жанны не было на даче, она отрывалась с бойфрендом.

– Бородиным? – уточнила Валюша.

– Нет, – усмехнулась Лариса. – Бородин ходил за ней хвостом, а Жанна его игнорировала. Вокруг нее крутились толстосумы, она предпочитала спать с деньгами, а после трагедии на даче попала в психушку...

– Ужас!

– Недолго там просидела, Бородин вытащил ее, теперь она у него на содержании. Представь: ничего не делает! Я бы с ума сошла. Короче, они сожители... впрочем, как мы с Виталиком. Но мы оформим отношения через месяц!

– Да-да, я знаю.

Лариса слишком часто упоминала о скором замужестве, вероятно, она считала дни до этого счастливого события. В неглупой Валиной головке мелькнула и другая причина: Лариса давала понять, что Виталий занят навсегда. В такие моменты девушке становилось неловко, будто она воровка какая-то.

– Жанна пиявка, – продолжала тем временем Лариса, – которая присосалась к Володьке и пьет из него кровь. Вот

посмотришь: выпьет всю и бросит. А он хороший парень, надежный, добрый и безумно любит эту кобру. Жаль, что нет таблеток от любви.

– А сколько ему лет?

– Тридцать два, как Виталику, младше только Алексашка, дружат они с давних пор. Скажу честно, мне жалко Вовку, вот уж правда: любовь зла...

* * *

Стемнело, будто настала глубокая ночь, улицы опустели, притихли, отдыхая после бурного дня. В баре тоже стояла непривычная тишина. Шумная молодежь подтянется позже, и в небольшом зале, оформленном в стиле техно, начнется конец света. Как только поросль хлынет сюда, Володя Бородин сбежит, прихватив Жанну, даже если она превратится в морскую звезду и будет упираться всеми частями тела, требуя остаться.

У белобрысого Бородина добродушное лицо с крупными чертами. Как ни странно, зачастую оно бывает хмурым, правда, к характеру хмурость не имеет отношения, это привычка. Появилась она еще в школе, когда Володе с трудом давались науки, он в буквальном смысле напрягал ум и хмурил лоб. Бородин высокий, этим никого не удивишь. Не стройный – тоже не редкость. Главное, не белоручка. У него собственная строительная фирма – мобильная и рентабель-

ная, хотя больших денег не приносит, но и на небоскребы Володя не замахивается.

Он отхлебывал из крошечной чашечки кофе, который мог проглотить за один раз, запивал глотком холодной воды и откровенно скучал, рассматривая интерьер. Барные интерьеры практически неизменны, следовательно, неинтересны. Ну, допустим, в данном баре столы и стулья из прозрачного пластика – стильно, но что это меняет или добавляет? Долше всего Бородин задерживал взгляд на Жанне, а она разглядывала дно стакана – у каждого свои пристрастия. Пожалуй, сегодня она слишком увлеклась, Володя призадумался: что она там увидела? Руны, тайные знаки, пентаграммы?

– Ты гадаешь или пьешь? – сказал он, глядя через плечо в зал.

Вошла шумная ватага разноцветно одетого молодняка, похватила стулья и оккупировала один столик. До чего ж они громкие! Бородин поймал себя на мысли, что недалеко ушел по возрасту, но между собой и ребятами чувствовал пропасть. Наверное, он просто стал взрослым, а они – еще дети.

Жанна пропустила мимо ушей вопрос, она была слишком увлечена и беззвучно шевелила губами. Шептала заклинания? И это только первый стакан! Зачем он согласился зайти сюда, зная, что лучше перекрывать Жанне доступ к спиртному? Надо было проявить твердость, сказать «нет», в конце концов, кулаком по столу бабахнуть, но... В том-то и дело! И в этом «но» смысла с причинами полным-полно. Неожиданно

данно она выпила одним глотком коктейль, тару поставила перед барменом:

– Повторите, плиз...

– Хватит! – Бородин решительно, но без раздражения отодвинул стакан. Она никогда не раздражала его, всех это удивляло. Следом спросил, хотя ответ ему, к сожалению, известен: – Объясни, зачем пить, если мы едем на ужин с выпивкой?

– Хочу, – коротко сказала Жанна и потянулась за стаканом. – Моя не любит винище, моя любит...

– Бурду, – сказал он, отодвигая стакан еще дальше.

– Виски, бренди, коньяк, – перечислила она свои предпочтения, при этом была изумлена и раздосадована его упрямством. – Но ты же не даешь! Приходится довольствоваться бурдой. Ну, пожа...

– Нет, – мягко отказал Володя, тем не менее твердо, и посмотрел ей прямо в глаза. Этот взгляд Жанне хорошо знаком, он означал, что точка на ее капризах поставлена жирная. – Нам еще ехать через весь город, никому не нравится, когда опаздывают.

Жанна сложила руки на барной стойке, вздохнула и подняла глаза к потолку. Там висел шарик, инкрустированный зеркальными осколками. Когда здесь начнется столпотворение, шарик заставят крутиться, и зайчики заполнят зал, имитируя праздник.

– Ты же знаешь, Володька, – проговорила Жанна, груст-

но глядя на шар, – моя не любит ни Алексашку, ни Лариску, ни этого вашего убогого Эдгарика. Наверняка там будет какая-нибудь дура из подружек высокомерной Лариски и этот... ходячий ужас... как его?

– Руслан? Нормальный парень.

Жанна опустила на него свои потрясающие глаза печальной королевы, околдовывающие без гипноза. Она прекрасно знала, что может веревки вить из него, наверное, поэтому и улыбнулась – чувствуя свою власть. Улыбнулась немножко порочно, немножко азартно, а произнесла подкупающе искренне:

– Нормальный там только ты, остальные... Я к остальным причисляюсь. Я не лучше, не-а. Потому что мы все – ничто. Мы пустота в пространстве. Но вот какая штука: пустое место никогда не считает себя пустым, оно всегда занято, даже если свободно... Господи, как не хочется туда идти... Поэтому я и хочу набраться, чтоб голова не сильно варила. Ну, еще чуть-чуть... Вова... м?

Произошло чудо – ей не удалось свить веревки, Вова, не поддавшись на уговоры, отрицательно качнул головой. Что интересно, Жанна не устраивала ему истерик, когда получала отказ (а все думали иначе), кстати, слово «нет» она слышала от него редко. Собственно, могла настоять на своем, но Жанна распластала руки на барной стойке и со стоном смертельно уставшего человека легла одной половиной лица на матовую поверхность. Неважный симптом. Бородин до-

гадывался, почему она в угнетенном состоянии, только поход к Витальке не отменит. Он наклонился, приложил губы к длинной шее и шепнул:

– Не заводись, ладно?

– Я разве заводжусь? Просто мне трудно, мучительно находиться с ними. Я им не верю, понимаешь? Не-ве-рю-ни-кому, – пропела Жанна. – И подозреваю всех-всех-всех... Я не получила ни одного внятного объяснения: по-че-му? Но кто-то же это сделал! Кто-то с поразительной, редкой жестокостью... И ни один человек мне не объяснил – почему, за что!

– Чшш... – Володя притянул ее, обнял. Целуя в висок, он прилежно переубеждал Жанну не первый и даже не десятый раз: – Это твои фантазии. Чтоб обвинить, нужны доказательства, а у тебя...

– ...их нет, – закончила Жанна.

Отстранившись, она посмотрела в его глаза, ища сочувствия, понимания, поддержку. Всегда находила, нашла и сейчас. И на нее вдруг, как соленая океанская волна, сбивающая с ног, накатила совесть, Жанна почувствовала привкус вины. Но откат все той же волны мешал сказать: прости и потерпи еще чуть-чуть, скоро наступят перемены... Вообще-то, обещать что-либо – дело бесперспективное, Жанна отвернула лицо в сторону, вздохнув:

– К сожалению, нет. Жаль, что нет. Но знаешь, Володька, доказательства могут появиться. Вдруг что-то произойдет и... улики приплыли. Что тогда скажешь?

– Я сейчас скажу: нам пора. Давно пора.

– Хм!

Жанна хоть и фыркнула, но послушно слезла со стула и направилась к выходу, натягивая вязаный жакет. Бородин выпятил губу. Как! Не настояла на второй порции бурды?! Так это же слон в лесу сдох!

Он кинул деньги на стойку и поторопился за ней, прихватив сумочку из бисера, которую оставила Жанна. Рассеянностью она не страдала, но раз забыла, то с ней непорядок. Бывает, у нее неожиданно ломается внутри некий механизм, и Жанну несет без тормозов. Володя научился приостанавливать этот процесс, заметив депрессию, он не теряет бдительности и безошибочно угадывает, когда нужно быть рядом.

Она забралась в салон автомобиля и, увидев на своих коленях сумочку, которую положил Володя, всплеснула руками, затем подняла на него виноватые глаза. Захлопнув дверцу, он перешел на место водителя, перед тем как тронуться в путь, покосился на задумавшуюся Жанну.

Сочетание темно-медных волос и нефритовых глаз – ярко, заметно, эклектично, но только не в ее случае. В выточенных чертах Жанны прижилось нечто колдовское, дьявольское, это же нечто притаилось и в выпуклых губах, которые всегда приоткрыты и с разных ракурсов смотрятся то детскими, то порочными. Один взгляд цепких глаз – и сердце падает вниз. А брови! Их кончики дерзко загнуты вверх, только нежно очерченный овал лица выдает натуру тонкую, чут-

кую, трепетную. Бородину она виделась именно такой, еще естественной и умной. Пожалуй, у нее мужской ум, как и наблюдательность, а интуиция типично женская. Сплошные достоинства! И один маленький недостаток...

– Мы едем или будем стоять? – проворчала Жанна, глядя прямо.

Это Сашка познакомил друзей с Ниной, а она – с кузиной. Бородин как увидел Жанну, так и – все, втрескался намертво, без надежды, ведь Жанна такая... куда ему до нее! Он приблизиться не смел, тем более намекнуть, мол, ты и я... потом замяться и спросить напрямую: как на это смотришь? Боялся услышать в ответ нечто типа «ха-ха». Но однажды все изменилось. Ее семья погибла, чья-то жестокая рука щедро посеяла смерть, ударив и по Жанне. Когда Володя забрал ее из психушки, она не захотела ехать в родительскую квартиру, а напросилась:

– Можно, у тебя переночую? Не смогу дома...

Знала, что он позаботится о ней, поможет, успокоит. Так и было. Он понимал: одну Жанну нельзя оставлять, поэтому на следующий день не пошел на работу, а руководил рабочими по телефону. Она же лежала на диване, повернувшись лицом к спинке, или подолгу стояла под душем в ванной. А он ставил диски с комедиями и советскими мультиками, приносил чай и нехитрую еду, если Жанна засыпала, выключал телевизор и ходил на цыпочках. На вторую ночь она подала голос со своего дивана:

– Вова, я боюсь одна в темноте... мне страшно...

– Ну, иди ко мне.

Сказал и испугался: вдруг оскорбится и вообще уйдет? А она залезла к нему под одеяло, прижалась... У нее были холодные ноги и холодные ладони, а у него – горячее тело, его тепла хватило на двоих. Так и осталась она у Бородина, но это была уже другая Жанна, которую знал один он.

Володя завел мотор, в то же время озадачившись: с чего это вдруг, не желая ехать на дружеский ужин минуту назад, Жанна теперь стремится попасть туда?

5

Эдгар искал подарок для неизвестной Ларисы, не представляя, чему она обрадуется. Собственно, разве искал? Мыслями он был далек от подарков, просто запустил в подсознание: надо купить, раз китайскими сувенирами не запасся. И заходил во все магазины подряд, рассеянно осматривал витрины.

Пару раз он бывал у Ганина, частного детектива, да не запомнил ни улицу, ни дом. Тогда тело и душа Эдгара были пусты, как сосуд без вина, – так говорят китайцы. Точнее не скажешь, когда тело без энергии, а душа без жизни. Позже китайцы учили быть «пустым сосудом» во время занятий (практик), чтоб восстановить жизненные силы. Оказалось, не так-то это просто – мысли лезли ниоткуда, словно змеи. Мысли кусались, отравляли, душили...

– Вам помочь? – Девичий высокий голосок приплыл откуда-то издалека с нарастающей силой и задрезжал у самого уха.

Эдгар понял, что вопрос адресован ему, вернулся к действительности и вдруг прямо перед собой увидел нечто странное, нелепое: выпученные глаза под нависшей взлохмаченной челкой, раскрытый рот, обнаженную грудь... Эдгар окаменел от неожиданности и жути, решив, что вопрос кинут голым пугалом, а пару секунд спустя сообразил: это же

кукла! Весьма большая (в человеческий рост) кукла с ценником на запястье. Куда это он попал?

– В нашем салоне, – раздался тот же голос сзади, – есть более дешевая продукция, качеством, конечно, похуже, но ненамного.

Он оглянулся. Сзади стояла курносая юная симпатяшка, рекламирующая товар в надежде на покупку, а вот за ее спиной он разглядел много чего... не подходящего в качестве подарка для подруги Виталика. Занесло его в секс-шоп. Э, так дело не пойдет, с выключенным сознанием может занести и на стройку, где на голову случайно кирпичи рухнут. Он улыбнулся и лишил ее надежды:

– Она великолепна, но не в моем вкусе.

– Мы можем подобрать парик и сделать из нее, например, брюнетку...

С языка чуть не слетела острота: мол, если б вы, девушка, себя упаковали, я, пожалуй, купил бы. Но вдруг она согласится? Он двинул к выходу, бросив:

– Спасибо, в другой раз. Я обязательно найду...

Время поджимало, да и голод напоминал о себе, давно пора бежать к пельменям, вину и разговорам. Эдгар остановил выбор на стандартном наборе: цветы, вино и, разумеется, конфеты в коробке. Не претенциозно, зато не перетянет на себя внимание, ведь дары со смыслом или дорогие презенты концентрируют интерес вокруг дарителя. Ему же нравится находиться не в центре, а на периферии. И вдруг...

Темнота ночи превратила редких прохожих в живые тени. Но были различимы здания на противоположной стороне, фонарные столбы, остановки. Вокруг царил тишина, не свойственная городским улицам, отсюда и появилось ощущение, что он один в городе. Эдгар остановился перед «зеброй», а тут и зеленый свет вспыхнул. Ни справа, ни слева, ни одной машины – дивная пустота и приятная после суетливого дня. Он сделал несколько шагов по «зебре»...

Раздался моторный рев. Словно включился реактивный двигатель, способный с нуля взять космическую скорость. Идя по переходу, Эдгар, конечно, повернул голову, чтоб посмотреть, далеко ли автомашина. Ему бы бежать, а он замедлил шаг, ничего не понимая. С трудом разглядел темную массу, летевшую на него, – что это?

Неожиданно вспыхнули фары, ослепив ярко-белым светом и вынудив Эдгара зажмуриться, а следом и остановиться. Куда идти, если ничего не видишь? Начался отсчет секунд...

До Эдгара дошло: прямо на него несется автомобиль, звука тормозов не слышно. Тормоза полетели? Или случилась другая поломка? Пьяный за рулем? Какие б ни были причины, а через секунду-другую железо на колесах врежется в Эдгара и... ничего больше в его жизни не будет. Собственно, самой жизни не будет...

Усилием воли он распечатал слипшиеся веки (его глаза не хотели видеть смерть) и между кругами, какие знакомы

ослепленному ярким светом человеку, разглядел буквально перед собой горящие фары.

Поздно! Единственное, что он успел, – инстинктивно отступить назад на пару шагов и снова зажмуриться.

Сейчас будет удар... боль... Одно мгновение! И – все!!!

По ушам резанул визг, который ни с чем не спутаешь никогда. Особенно в минуту смерти. Это завизжали колеса от трения об асфальт, водитель затормозил, но поздно, слишком поздно...

Визг торможения резко оборвался с надрывным скрипом, как будто о железо с сопротивлением трется нечто очень твердое.

Эдгар ждал... а столкновения не происходило, хотя сроки, отпущенные им на это роковое событие, прошли. Почему?

Второй раз, медленно, он приоткрыл веки и первое, что осмыслил, – покой, тишину. Ни движений, ни звуков... Горели фары. Свет от них протянул широкие лучи по бокам Эдгара и дальше – за него. Сам же он стоял практически впритык к носу авто. Нет, не так. Нос автомобиля находился примерно в десяти сантиметрах от Эдгара. То есть от смерти его отделяли десять сантиметров, всего десять! А если учесть, что он отступил... Вновь мороз пробежал по коже, ведь инстинктивно шагнув назад, Эдгар спас себя. Этого шага могло не быть, дался он трудно.

Внезапно тишину взорвал дружный, здоровый, первобыт-

ный хохот! Громкий и многоголосый, залиvistый и веселый, неуместный и циничный в данной ситуации хохот! Эдгар окончательно вернулся из «дружеских» объятий смерти, которой он так легко сдался. Хохотали в салоне автомобиля, точнее будет сказать – ржали, рыготали. Минуту спустя автомобиль бесшумно отплыл назад и, с нуля взяв скорость, умчался, унося свистевших в приступе кайфа весельчаков.

На автопилоте Эдгар поворачивался за автомобилем, не спуская с него растерянных глаз и силясь понять, что это было. Его чуть не убили! Просто так! Он им ничего не сделал, не знает, как они выглядят, чем занимаются и чего добивались идиотским поступком, но Эдгара чуть не убили. Вот когда начинаешь не только понимать, но и ощущать, что значит абстрактное, не имеющее ни точных границ, ни более-менее ясного смысла короткое слово «чуть». Оно означает – жить.

После пережитого ужаса ноги стали как две ватные подпорки и не держали тело. Эдгар все-таки перешел дорогу, но, добравшись до ближайшего здания, присел на выступ фундамента, опершись спиной о стену. Неудобно, но хоть какая-то опора. Накрапывал дождик, охлаждая лицо...

* * *

В кафе Алла выбрала лучшее место – в углу у большого окна, присела и с тоскливой миной принялась ждать. Подперев скулу кулаком, она пальцем чертила на скатерти невиди-

мые фигуры, время от времени поглядывая в окно.

А за стеклом сумерки быстро укрыли темным саваном улицу... Хотя разве саван бывает темным, черным, серым? И почему на ум пришла такая нелепая ассоциация? Почему вообще – саван? Этим словом она никогда не козыряла, оно пыльное, выпренное, подходит лишь для поэтов, а вот, поди ж ты... и ей саван проскользнул в голову! Не к добру это.

На стекле окна появились мелкие брызги – дело шло к основательному ненастью, а ни одного зонта не раскрылось. Народ, уходя из дому, не прихватил защиту от дождя, забыв, что осень коварна и норовит обмануть прогнозы. И настроение такое же пасмурное. Алла переключилась на собственное довольно четкое отражение.

Надо отдать должное, выглядит она на сорок пять – ни больше ей не дашь, ни меньше, тем не менее на шее (это же предатель номер один) нет морщин, складок. Нет второго подбородка, отечности под глазами, обвислых щек. Еще позавчера утром Алла прищелкивала пальцами после общения с зеркалом, дескать, ай да я, сорок пять со мной, зато в каком качестве. Она следит за собой – маски, тренажеры, бассейн, косметические процедуры, но! Все это делалось ради собственного удовольствия, а надо было жрать за двоих! Сегодня Алла не прочь займет несколько мелких морщинок с двойным подбородком, а также лишних килограммов десять. Нет ничего ужасающего в том, напротив, те же морщинки облагораживают женщину и... приводят в чувство

идиотов, которым приспичило поиграть в молодоженов.

Потеряв терпение, Алла достала сотовый телефон...

* * *

Квартира Виталькина, но открыла...

– Ты Лариса, – догадался он.

– А ты Эдгар? Проходи, мы тебя заждались.

Попав в прихожую, он снял куртку, исподволь изучая персону, притянувшую к себе привереду Виталика. Эдгару всегда нравились высокие женщины, журнально-стройные и европейского типа, в этом смысле в ней удачно сочетаются все три пункта. Пшеничная блондинка (не факт, что натуральная) с прямыми волосами ниже плеч, воздушными и блестящими – пикантно. Правда, блондинки глупы, зато компенсируют ум повышенной сексуальностью, но это по слухам, Эдгар их не проверял. Только вряд ли Виталька прикипел бы к глупой женщине. Если Эдгар, раздеваясь в прихожей, изучал Ларису украдкой, она его – довольно-таки смело для первого знакомства, могла бы вести себя поскромней.

– Это тебе, – вспомнил он, протягивая розы и пакет.

– Эдгар! – появился в прихожей Виталий, разведя руки в стороны. – Ты из Гонконга к нам добирался? Половина девятого!

За него благородно вступилась Лариса:

– Не налетай с порога, дай Эдгару хотя бы в комнату прой-

ти.

– Ну, проходи. И отчитайся, почему мы вынужденно голодали. – Идя в комнату и непринужденно обняв друга за плечи, Виталька шепнул ему на ухо: – Про моего отца Ларисе ни слова, договорились?

Конечно. Но каков Виталька! Ему необходимо проверить, что любит больше дама сердца: деньги или все же его и просто так? А раз проверяет, значит, сомневается?

А здесь все по-старому. Места много, оно не загромождено мебелью и всевозможными интерьерными штучками. В той же нише одиноко стоит та же ваза современного дизайнера с искривленными ветками, тот же свет снизу ее освещает желтым потоком, те же тени от веток отпечатались на бежевой стене. Картины приятеля Витальки, выполненные в однообразной цветовой гамме, отчего казались единым полотном, которое варварски разрезали на части и вставили в рамы. И стол из стекла у дивана, пятнистая коровья шкура на полу... Ничего не изменилось в скупом интерьере, следовательно, в хозяине. Виталька любит простор и свет, надо признать, этого добра здесь в избытке. Однако думать, будто он фанат аскезы, – ошибка, нет, он любит жизнь во всем многообразии и не впадает в крайности.

Эдгар поймал на себе цепкий взгляд, только потом заметил в кресле у окна Алексашку. Опять он многозначительно мрачен, значит, не расстался с ролью Базарова в вульгарной трактовке современного недоучки.

А Володька – классический типаж крестьянского сына, который долго слыл дураком, да враз поумнел, – шел к нему с искренней улыбкой простака, раскрыв руки для объятий. Он обнял Эдгара, повернул его к Жанне, но та лишь холодно кивнула и пригубила стакан с янтарной жидкостью, в которой плавали куски льда. Она стала красивей, хотя куда уж больше! Помимо Алексашки, в креслах сидели еще двое, с ними познакомил Эдгара Виталий:

– Валенсия. Руслан. Оба трудятся...

– Вы еще не за столом?!

Церемонию знакомства прервала Лариса, внеся поднос с двумя дымящимися чашами, источающими аромат пельменей. Все ринулись к столу, как солдаты в атаку, ибо проголодались. Кроме Жанны. Володя буквально вытащил ее, усадил за стол и сел рядом.

Некоторое время звякали вилки и скрежетали по тарелкам ножи, ну и бокальчики друг о друга цокали после коротких тостов. Утолив кое-как голод, завязали диалог. Так, ни о чем. То переговаривались крест-накрест, то с соседями болтали, послушали, как поет под гитару Руслан. Странно, что этот коренастый, широкоплечий, довольно не хилый смуглый мэн не порвал тонкие струны крючковатыми пальцами, а выжал из них испанскую мелодию. Похвалы он получил заслуженные, но не от всех. Например, Эдгар ушел в себя и, казалось, ему где-то там, в мечтах, гораздо интересней, а Жанна излишне громко поставила стакан на стол и так

же нарочито громко сказала:

– Вова, налей.

Виски пила только она, поэтому Бородин сначала поднял бутылку – проверил, сколько выпито и стоит ли позволять ей пить. Потом плеснул совсем немного, подал стакан Жанне, напомнив:

– Ты ничего не ела. Закусывай хотя бы.

– Я не хо. – Она тоже посмотрела, подняв стакан, сколько он налил, и буркнула: – Ты не щедрый.

– Я курить на балкон, – заявил Руслан, приставив к стене гитару. – Кто составит компанию?

– Мы с Жанной! – подхватился Бородин.

Когда курильщики удалились, у Эдгара, проводившего их взглядом, невольно вырвалось:

– Жанна и сигарета? Все равно что герцогиня копает грядки.

– А ты консерватор, – сделала скоропалительный вывод Лариса, собирая грязную посуду.

– Просто Эдгар не в настроении, – бросив что-то обсуждать с Сашкой, перешел к столу Виталий. – Обычно он терпим к чужим слабостям. Кто тебе испортил первый день пребывания на родных просторах? Признавайся.

А он угадал, мысленно Эдгар возвращался к инциденту на дороге. Волосы шевелились от сознания, что его могло здесь не быть, и каждая секунда, проживаемая сейчас, осталась бы непрожитой. Да, он уже был бы вне времени, ничего не чув-

ствовал и не осознавал, что его нет. Небытие трудно поддается представлению, пока ты жив, а что там, за порогом бытия, никому не известно, потому тот мир пугает.

– Ну да, – нехотя признался Эдгар, – случился инцидент... дурацкий... Осадок оставил пренеприятный. Я переходил дорогу по «зебре», не было ни одной машины... вдруг взревел мотор, смотрю – несется прямо на меня темная масса. Потом фары ударили по глазам, я зажмурился, слышу – визг тормозов. Машина остановилась в нескольких сантиметрах от меня. Мое состояние представляешь? А в салоне хохотали. Сiju и думаю весь вечер: что их рассмешило?

– А дальше? – проявила живой интерес Лариса к рассказу, который по скупости мало чем отличался от сводки МВД по телевидению.

– Автомобиль объехал меня и укатил!

– Это они. Вот сволочи!

Лариса присела на стул, очутившись напротив Эдгара, в сердцах швырнула полотенце на стол. Что ни говори, а благородный гнев хорошеньким женщинам к лицу: ух, как запылали ее щеки, взгляд потемнел, брови соединились в сплошную линию, а они у нее и так прямые.

– Кто – они? – заинтересовался Эдгар.

Вместо ответа она позвала Руслана, указав на Эдгара, сказала:

– Вот тебе еще один свидетель.

Пришлось повторить рассказ. Про себя Эдгар недоуме-

вал: чего они переполошились? В конце концов, рассердился:

– Странно, вы придаете значение дурацкой выходке.

– Это не выходка, а сознательное преступление, – гневно сказала Лариса. – Отморозки разъезжают ночами по городу, находят пустующую проезжую часть и караулят пешеходов. У них игра: на большой скорости затормозить впритык перед «зеброй», не сбив пешехода. Не всегда это им удается, как ты догадываешься, в результате у нас три трупа. Двое сбиты насмерть, а третий – мужчина – умер, от сердечного приступа когда подонки остановились, не задев его. Свидетели есть, но только одна женщина подписала показания. А слухов море! Из них мы вычленили, что наезды – развлечение.

– Кто – вы? – полюбопытствовал Эдгар.

– Я следователь...

– Сначала скажи, – взял внимание на себя Руслан, – ты запомнил марку машины, цвет, номер, приметы?

Опустив уголки губ вниз, Эдгар вспоминал с минуту, потом отрицательно покачал головой, а на словах добавил:

– Слишком быстро они уехали...

– Жаль, – сказал Руслан. – Ребятки катаются на иномарке, а на какой – свидетели не помнят. Ни цвета, ни номера, ни марки. Вон и Александр месяц назад погнался за ними...

– Как дурак, – вставил тот из своего угла. Сашка снова сидел в кресле и листал глянцевый журнал.

– И на тебя наехали? – чему-то обрадовался Эдгар.

Наверное, встретить товарища по несчастью, который на своей шкуре испытал ужас перед смертью, это все равно, что найти родственную душу среди чужаков. Сашка неохотно, ни на кого не глядя (это его манера общаться), рассказал свой случай из той же серии:

– Не на меня. Ночью я шел за женщиной, которой повезло остаться в живых на моих глазах, думаю, и ее здоровью нанесен непоправимый удар. Скажу вам, машина любого цвета, но не белого и не черного.

А Лариса забурлила, видимо, она из тех женщин, у которых работа на первом месте, на втором тоже, а на третьем – обязательно:

– Уму непостижимо – шайка подонков-лихачей неуловима!

– Неуловимы, потому что вы плохо работаете, – вставил шпильку зануда Алексашка.

– Друзья! – вмешался Виталий. – Давайте и я расскажу, как препарировать трупы, а? Чего вы завелись? Отморозки были, есть и будут, все равно их поймают, это вопрос времени. Я не хочу им посвящать и минуты в моем доме... И тут вечер повернулся в совершенно неожиданное русло, Жанна встала:

– Вова, я хочу домой!

Жесткое было требование, с вызовом. Оно диссонансом врезалось в атмосферу искусственного дружелюбия и озабоченности за судьбы горожан. От Жанны в воздухе распространилась тревожная волна, подчеркнутая всеобщим мол-

чанием, характерным для людей, застигнутых врасплох. Так или иначе, но все одновременно почувствовали: сейчас что-то будет, после чего изменится жизнь каждого, кто находится в комнате.

А Жанна демонстративно вышла в прихожую, Бородин последовал за ней, но не успел дойти до двери, она вернулась, натягивая жакет. И разразилась монологом, который никто не посмел прервать:

– Чего застыли, как дерьмо на льду? Я всего лишь сказала, что хочу домой. Испугались? Чего? Ммм... вам не в кайф мое присутствие? Так радуйтесь, что уйду. А впрочем... это хорошо, что мы наконец-то собрались вместе. Давно хотела от всего сердца поблагодарить вас, но не по отдельности же. Желательно всех и сразу. Итак, спасибо за ту поддержку, которую вы **не оказали** мне в тяжелую минуту. Спасибо, что оставили меня в одиночестве с четырьмя гробами!..

Народ буквально окаменел и вряд ли дышал. Никто не смотрел в глаза Жанне. Только Лариса послала Виталию полный упрека взгляд, но он не увидел, он разглядывал пол...

6

За окном промелькнула белая тень с выступающей грудью. Хотя больше ничего не удалось разглядеть, Алла перевела взгляд на вход. Через несколько секунд появилась Любаша с набитыми сумками, к сожалению, она несовершенно устроена – не имеет третьей руки, иначе тащила б три сумки. Любаша заметила ее, добежала (она не ходит, а бегает), устроив сумки, плюхнулась на стул и, обмахиваясь салфеткой, затархтела без пауз:

– Ну и подлая погода: я вся в белом, а тут заморосило, представляешь? Извини за опоздание, по пути решила прикупить продуктов. Ты же не откажешься доставить меня на домашние галеры? Уф... жарко... устала... сердце заходится...

Если Любочка – вихрь и суета, Алла, наоборот, величественна, как царица, хотя царица в тайне мечтала о пенсии, домике в деревне и курах с петухом.

– Похудей, и сердце придет в норму, – посоветовала Алла скучным тоном. Но она же обижена: столько времени прождать подругу, которая не примчалась на сигнал SOS, а бегала по магазинам, чтобы потом Алла отвезла ее сумки домой, как извозчик.

– Лучше быть толстой, красивой и здоровой, чем худой, страшной и больной. – Любочка рассмеялась собственной

шутке. Но Алла сидела с постной миной, будто ее уволили со всех мест работы. – Что стряслось? Почему такая срочность?

– Не знаю, на какой из твоих вопросов ответить в первую очередь, – заворчала Алла.

Очень кстати официантка принесла заказ, а главное, бутылку красного сухого вина, которое обожает подружка. Налив полный бокал (официантка просто не успела этого сделать), Люба выпила залпом и смущенно оправдалась:

– Очень пить хочется, я ж бежала.

– Долго бежала, – заметила Алла. – Так и умереть можно, дожидаясь подруг. Я позвала тебя, потому что попала в щекотливое положение. Не буду тянуть, в общем... Гена Заваров изъявил желание жениться на мне.

Естественно, подруга открыла рот и глаза выкатила, они оказались черного цвета, а в обычном состоянии цвет глаз трудно разглядеть, как у большинства очень полных людей. Ей потребовалось запить новость еще одной порцией вина, причем граммов двести проглотила – как нечего делать, в бутылке осталось чуть-чуть. В состоянии немоты Люба пребывала недолго, впрочем, она женщина-скорость, удивительно, что при вихреобразном режиме ее комплекция – кубик.

– Вот это да! – слегка покачиваясь из стороны в сторону, выразила она то ли восторг, то ли ужас. – Обалдеть! Что, так и сказал: выходи за меня?

– Совсем не так. Гена поставил меня в известность, что через неделю мы расписываемся, столы заказаны, услуги опла-

чены. Мне осталось пригласить подруг. Приглашаю. В пятницу.

– Вот это мужик!.. – Разглядев наконец кислое выражение на лице Аллы, Люба зашла с другого бока: – Как-как? Поставил в известность? То есть ты не знала о готовящейся свадьбе?

– Совершенно верно. Я имела честь сегодня узнать, что выхожу замуж. Заявлений мы не подавали, вероятно, напишем в день бракосочетания, чтоб не тратить время зря.

Любочка разозлилась на Аллу, которая, как ей показалось, больше кривлялась, чем печалилась. Из-за чего нос вешать? Люба мотается по двум, а то и трем работам, ни на что времени не хватает, особенно на отдых. Вместо того чтобы сейчас рухнуть дома на диван, она вынуждена торчать в кафе, выслушивая бездарный аудиоспектакль в исполнении такой же бездарной актрисы. Не желая с ходу наговорить неприятных вещей подруге и в результате поссориться, Люба взяла паузу и с аппетитом кушала мясо, поглядывая на Аллу исподлобья.

* * *

Мало кому удается стоять перед лицом совести и при этом выстроить на своей физии витрину благообразия. Им не удалось. Им было неуютно, потому они отводили взоры. Но Жанне этого мало, мало, мало. Чтоб дошла страшная циф-

ра не только до ушей, но и нервов, а также душ тех, кто стоял-сидел напротив, она выставила руку с четырьмя пальцами и прижатым к ладони большим, обвела ими всех, будто налагая заклятие:

– Четыре человека зверски убиты. Это я напоминаю тем, кто забыл. А вы... вы ограничились небольшими суммами и скорбным молчанием на похоронах! У моего отца было достаточно денег в тумбочке, чтоб купить четыре гроба, вырыть четыре ямы и заказать поминки. Мне не нужны были ваши деньги! Вы хоть представляете, как это – хоронить сразу всех?.. Нет?.. Ну ладно. Тогда отдельное спасибо за то рвение, с которым вы засовывали меня в психушку. Спасибо за клеймо «идиотка», которым вы меня припечатали, переревав все дорожки в жизни.

Жанна исполнила русский поклон в пояс, достав рукой пол. Конечно, выглядело это издевкой, а ответом ей была совершенно непоколебимая тишина, душившая не хуже газовой камеры, оттого зловещая.

– Я не знал, сам был в состоянии... – негромко сказал Эдгар.

– А ты у нас, как барышня, – метнулась к нему Жанна с саркастической улыбкой. – Неземной какой-то, изнеженный. Может, вспомнишь, что ты мужчина?

По самолюбию она ударила крепко, но Эдгар опустил глаза, оставшись якобы бесстрастным. Только желваки на скулах ходили, как жернова, значит, Жанна его задела, а потому

переключилась на других членов компании:

– Благодарю вас, что я узнала цену слова «друг», воспетого великими классиками. Ну, тут одно из двух: либо классики ни черта не понимали в жизни, либо мне просто не повезло. Нет, я не желаю вам потерять так же страшно своих близких – они ни при чем. А вот провести отпуск в психушке вам не помешало бы. Всем! Ну, чтоб прочувствовать вкус к свободе.

Володя не бросился унимать разбушевавшуюся Жанну, а от него именно этого ждали. Он наблюдал. Четыре гроба (три закрытых) действительно угнетают психику даже постороннего человека, депрессия в этом случае вполне объяснима, но психбольница... это было чересчур. Ему никто не дал объяснений, почему здоровая Жанна там оказалась, все избегали данной темы. Он не прочь сейчас выслушать их, а друзья молчали.

– Поверьте, – продолжала она, – это стоит того, авось научитесь людей видеть в других, кроме себя. Испытать разочарование тоже желаю, чтоб оно расцарапало ваши пустые души до крови. А я свое получила благодаря вам. Я не смогу жить в счастье после той бойни, не смогу сделать счастливым и другого человека, но очень хочу. А не смогу до тех пор, пока не узнаю... – Она сделала паузу, потом сказала всего одно слово: – ...КТО.

И будто не закончила мысль, оставила пробел с шифром. На самом деле точка ею поставлена обличительная и жирная.

Самый невыдержанный Сашка, он и пыхнул, как солома в костре, вскочив с места:

– Ты как будто намекаешь, что кто-то из нас...

– Напекаю? – перебила Жанна, рассмеявшись, ну, точь-в-точь ведьма. – По-моему, я очень ясно выражаюсь.

– Ха! – взметнул вверх руки Сашка. Он нервно затоптался на месте, а слова подчеркивал довольно крупными жестами, иллюстрирующими его возмущение: – Итак, кто-то из нас совершил злодеяние, конечно, не в одиночестве. Ты так думаешь. И, наверное, у тебя есть основания думать так. Примерно я догадываюсь, что лично мне ты предъявишь, но позволь тебя спросить: а своего Вовку ты исключает?

Жанна, сузив глаза, отчего ее лицо стало хищным, не поддавалась на провокацию. Напротив, она закусила нижнюю губу, чтоб не сорвалось с языка лишнее слово, ведь наговорила здесь достаточно.

– Почему?.. – напирал на нее Сашка. – У Вовика мотив круче. Кстати, а у тебя... у тебя самый крутой мотив, моя милая. Я что-то не так сказал? Господа, – раскинул он руки в стороны и огляделся, – поправьте меня.

– До чего ж ты гнидистый, Алексашка, – с презрением промурлыкала Жанна.

Последнее время он болезненно переносил даже косой взгляд в свою сторону, а тут его приложили по полной, да к тому же при всех. Оскорбленный Сашка сжал кулаки и двинул на Жанну:

– А ты кто такая, что смеешь... – и осекся.

Сзади Жанны вырос Бородин и на спокойной ноте, которая иной раз бывает сильнее криков, отбил охоту применить кулаки:

– Попробуй, тронь.

С усилием, словно его пальцы сопротивлялись, Сашка разжал кулаки. Иначе быть не могло, куда ему тягаться с Вовой-строителем? У Бородина кулаки вдвое больше, он по стенке размажет и заштукатурит, не глядя.

– Тогда укроти свою истеричку, если ты мужик, – все же зло процедил Сашка, не преминув, походя, унизить друга.

Выразительно посмотрел на него Володя, так выразительно, что Сашка пожалел о злых словах. А назад их не забережь! Он отошел к стене, не догадавшись извиниться, ну да все равно это была капитуляция. Никто не поддержал его, но и не одернул. Володя оглядел друзей. Хотя бы как-то ребята дали понять, что не на стороне Сашки и сожалеют по поводу Жанны, они же с ней поступили... нехорошо. Володя ждал. Но нет, сегодняшней вечер – вечер несбывшихся ожиданий. Володя взял Жанну за плечи и увел.

Ну и мерзкая пауза получилась после их ухода. Небывалой длины. Так почудилось из-за неловкости друг перед другом, ведь обвинение каждый принял на свой счет. Руслан уселся в кресло, взял гитару, слегка трогал струны, издававшие тихие и протяжные стоны. Мягкие аккорды и минорные переборы немного разрядили накаленную атмосферу,

но ненадолго.

– Рановато выпустили ее из психушки, – высказался Сашка.

Снова неловкая пауза заполнила пространство. Жанна добилась своего: заставила всех посмотреть на себя ее глазами, но кто сказал, что от этого будет благо? То, что и так знаешь в себе, далеко не всегда самому нравится, а уж слышать об этом вслух от посторонних вовсе не обязательно.

– Где обещанные пироги? – решил переключить гостей Виталий.

– На столе... – рассеянно ответила Лариса, а в следующий миг попыталась сгладить инцидент: – Да что вы все притихли? Она же неадекватная.

Фраза не получила одобрения. Виталий чмокнул ее в щеку, нет, не поддержку означал поцелуй, а: помолчи, дорогая. И махнул рукой, мол, всем за стол! Пироги пышные, мягкие, вкусные... А никто не хвалил. Ели молча, запивали чаем, словно отдавая дань и адаптируясь к новому состоянию после обличений.

Настал момент, которого ждали и гости, и хозяева, – когда можно завершить испорченный вечер. Всей компанией вышли провожать Руслана с Вале́й, Эдгар остался у подъезда с Ларисой, а Виталий и Сашка отправились к автомобилю. Сегодня первый раз за год он вслух заговорил о случившемся:

– Ты, я думаю, в курсе моей истории?

– Естественно, – оживилась Лариса.

– Это хорошо, а то углубляться в воспоминания неохота.

Можешь сказать, как продвинулось следствие?

Он разговаривал с ней, глядя в сторону. Данная манера (свойственная Сашке) раздражает практически всех, Ларису в том числе, но она знала, как повернуть собеседника к себе лицом:

– Не знаю.

Эдгар тут же уставился на нее с удивлением и некоторым возмущением, по-детски распахнув глаза:

– Почему?

– Полагаешь, я одна следователь и все преступления проходят через меня? – Растерянность Эдгара ее рассмешила. – Вижу, ты действительно как иностранец. Ладно, если хочешь, узнаю, кто работал по этому делу.

– Хочу. Очень хочу.

– Зайди... в понедельник... э... во второй половине дня.

Думаю, к этому времени выясню: как, что и кто.

Лариса то ли хвастала, преувеличивая свою значимость, то ли из банального любопытства решила сунуть носик в чужую беду. Собственно, не столь уж это важно. Эдгар не успел поблагодарить ее за обещание, как из темноты вырuling Виталька:

– Алексашка уехал с ними.

– Слава богу, – выдохнула Лариса.

Поймав на себе изумленный взгляд Эдгара, она смутилась, опустила ресницы. Но у неприязни есть веская причи-

на, Лариса выпалила ее на одном дыхании, без запинки и слегка оправдываясь:

– При Алексашке я несправедливо чувствую себя его должником. Сидит, молчит, глядит строго, будто подозревает черт знает в чем. Он меня бесит, честно признаюсь. И с Жанной ввязался в спор именно он, а зачем?

Вот они – первые шажки к матриархату: Лариса активно расставляет собственные маячки в пространстве Виталия, подчиняя его. Он этого не понимает, у него туман в голове, а Эдгару видно. Виталий обнял ее за плечи, чмокнул в щеку и вступился за друга:

– Он не безнадежен, просто придумал маску и тупо ее «совершенствует», не замечая, что она начинает прирастать. Ну-с, не испить ли нам еще чайку?

– Нет-нет, я – домой, – отказался Эдгар.

Он замешкался, у него и к Виталику был очень важный вопрос, но, видя, что парочка на том этапе, когда третий лишней, попрощался и зашагал к улице. А Виталий прильнул губами к губам Ларисы, увлекая ее в подъезд, – в этот момент Эдгар оглянулся. И позавидовал...

* * *

– Чего покрылась кислятиной, как плесенью? – спросила Люба, доедая мясо. – Что не устраивает? Инициатива Заварова? Так это характеризует его положительно, сейчас редко

встретишь мужика, способного принимать эпохальные решения. Может, он в постели проблемный?

– Я и без секса могу прожить, – промямлила Алла.

– Неужели? А я думала, ты без секса уже жила и сейчас ценишь эту важную и приятную возможность. Но покажи-ка, милая моя, кого еще в сорок пять(!)... – Любочка потрясла пальцем в воздухе, подчеркнув дряхлость подруги, – тащат под венец богатые мужики?

Она принялась кромсать кусок мяса, поглядывая на Аллу, как на больную, которую врачи лечили-лечили и случайно не залечили до смерти, теперь она ни себе, ни людям не рада. У Аллы один большой недостаток: длинный хвост из самолюбия, на который боже упаси наступить даже нечаянно. Ее надо уважать, ценить, считаться с ней, не посягать на свободу и так далее в духе феминисток.

– И феминистки хотят замуж, – буркнула Люба себе под нос. – Только их никто не берет.

– Что? – не расслышала Алла.

– Ничего.

Алла к еде не притронулась, она формулировала то, что со стороны казалось нелепым, не исключено, что и глупым. Но сомнения... А тревога? Что, тревога на пустом месте выросла? Нет, жизнь не терпит пустоты. И в пустоте Аллы, в самой ее глубине, коренилось одно обстоятельство, которое время от времени напоминало о себе. Собственно, оно всегда с ней, когда Алла с Заваровым, поэтому с губ сорвалось то, что ей

самой не казалось ни нелепым, ни тем более глупым:

– Не знаю, но я будто попала в западню.

Люба допила оставшиеся в бутылке три капли, бросив вилку с ножом, откинулась на спинку кресла. В редких случаях и она – сама сдоба во всех отношениях – умела быть жесткой.

– Всем бы такую западню, – сказала. – Можно подумать, тебе предложили через неделю яду выпить! В твои-то годы, блин, так подфартило! Обо всех проблемах можно забыть раз и навсегда. Денег валом, не урод, подтянут... У него же седых волос нет! Лицо такое...

– Заурядное, – подсказала подруга.

– Волевое! Он интересный мужчина...

– С темным прошлым, – внесла дополнение Алла.

– У кого из нас нет темных пятен? Слушай, че те надо, а?

– Не хочу замуж! Ни за кого не хочу. Мне достаточно лет, чтоб ни под кого не подстраиваться. Я привыкла делать, что хочется, ехать, куда надумала, ни у кого не спрашивая разрешения. Да у него жен этих было... штук двадцать! К тому же я прекрасно обеспечиваю себя и сына.

– Откажи. Делов-то!

– В этом вся проблема, – сникла Алла.

– Какая?! Проблему нашла! Ну, какая, какая?..

– Я боюсь этого тарантула.

– Значит, боишься? А позволь спросить, когда ты его боишься? Когда спишь с ним или в остальное время?

Сарказм, насмешка... Совсем не то хотела услышать Алла, она рассчитывала, по меньшей мере, на понимание. И на чуткость – без этого какая дружба? Удивительно, но строгие требования предъявлялись обычно к ней, Алла обязана всех понимать, жалеть, помогать (и морально, и материально, кстати). Но как только ей нужно доброе слово (бесплатное), в котором нуждаются даже кошки, а также собаки и прочие звери вместе с людьми всех рас, она получает сарказм и возмущение. У нее же не может быть трудностей, она сильная, везучая, как будто везение – незаслуженный бонус, сброшенный с небес кем-то из небожителей из-за халатности.

– Я боялась потерять магазины, – призналась Алла. – Гена всех пожирает в городе, а меня оставил, потому что глаз положил. Он сетевик, которому дали зеленый свет. Думаю, светят ему потому, что тоже боятся, ведь Гена может просто уничтожить. Физически. Говоришь, отказать? Он отомстит, а у меня Федька!

– Выходит, ты у нас продалась...

– Да, а что? Я продалась за спокойное существование на просторах мелкого бизнеса. Тебя это шокирует?

– Нет, – пожала плечами Любочка. – Но ты у нас такая крутая...

– Мне не нравится твой тон, – разозлилась Алла, перебив ее. – Я позвала тебя, чтоб ты посочувствовала, что-то посоветовала, но не дождалась.

– А тебя никто не поймет. Знаешь, больше никому не рассказывай, что не хочешь замуж за Заварова, – слишком неправдоподобно звучит.

– Вижу, – огорчилась Алла. – Да, у меня не хватит смелости отказаться. Только ничего хорошего из этого не будет, во всяком случае, для меня.

Люба намеревалась возразить и уже набрала воздуха полную грудь (а она у нее ого-го!), но Алла подняла ладонь и слегка махнула ею, дескать, молчи уж. Доставая кошелек из сумочки, она вдруг пришла к парадоксальному выводу, что народ любит злодеев. Кто был Заваров для Любочки еще недавно? Негодяй, бандит, вор, которого в хорошие времена к стенке поставили б и пулю всобачили прямо в лоб. А кем он стал сегодня? Завидным женихом. А представить на месте Аллы дочь Любочки, как поступила б благородная мать? Она погнала бы дочь кнутом под венец, как беспородную клячу! И разве она одна такая? Вот и выходит полнейший абсурд: ругают, ненавидят, но... обожают злодеев.

Алла расплатилась и велела подружке со своими тюками двигать к выходу.

* * *

Жанна плакала, прижавшись боком к спинке сиденья и отвернувшись от Володи. Он помнил редкие моменты, когда она плакала. На похоронах Жанна была с сухими глаза-

ми, это было нелегко. Бородин с удивлением отметил тогда, что некоторые пришли поглазеть, как она будет держаться возле четырех гробов! Жанна должна была рыдать, криком кричать, пить валерьянку литрами и передвигаться с посторонней помощью. Из этого набора типовых страданий она не делала ничего, и любопытные воровато поглядывали по сторонам, проверяя, как другие оценивают ее возмутительное поведение. Но после похорон она сидела в квартире родителей, а по ее щекам струились слезы, обгоняя друг друга, струились без перерыва. Володя это видел и до утра просидел с ней.

Год назад она осталась совсем одна. То целое стадо кавалеров с гламурными подружками вокруг нее крутилось, а то вдруг – никого! Испарился и бойфренд, не пришел ни на похороны, ни потом. Убийство! – это слово наводит безотчетный ужас. Логика железная: раз всю семью укокошили, то Жанна осталась живой по недоразумению, следовательно, придут и ее убивать. А кому понравится перспектива стать трупом вместе с Жанной? Один Володя взял негласное опекунство над ней, он был всего лишь рядом, этого оказалось достаточно, чтобы поддержать ее.

На фоне несчастья у Жанны развилась тяжелая и затяжная депрессия. А тут Бородину выплыла удача – важная поездка, сулившая не только зарубежный опыт, но и возможные связи. Что было делать? Виталька намучился под завязку, он отвозил в Китай Эдгара, приехав, не о Жанне думал, а ки-

нулся обольщать Ларису. Нельзя же винить человека за то, что ему хочется любви? Сашка... Ну, с этим все ясно. Тем не менее именно от них Бородин наслушался:

– Зачем она тебе? Понянчился и хватит, береги здоровье. Ей нужны тусовки, тряпки, бабки. Она тебе всю жизнь сломает.

– Пускай ломает, – со свойственной ему выдержкой высказался Володя.

Вернулся через полмесяца... а она в психбольнице! Он не стал разбираться, как и почему она туда угодила, ринулся в приют умалишенных, понимая: если ее не вытащить, Жанна погибнет. И столкнулся с железобетонной стеной. Ощущение осталось, будто врачи за каждого пациента готовы третью мировую войну развязать, но не отдать. Он кто ей? Никто. Ну и гуляйте, гражданин, – такова суть переговоров. Сколько Володя потратил денег, пробивая эту стену... А все же выкупил Жанну. Она ехала из психушки в его машине вся истрепанная, выжатая, какая-то забитая и тоже плакала. От радости.

Сейчас, после неудавшегося вечера, Володя подумал, что прорыв слез у нее не что иное, как заключительный акт какого-то этапа, нечто завершилось и – катарсис. Вопрос: что именно завершилось?

– Жанна... – позвал он, ведь пора вывести ее из мокрого состояния.

– Ну, прости, прости меня! – вперемешку со слезами вы-

дала она поток слов на повышенных нотах. – Я не права! Я плохая! Испортила таким замечательным людям вечер! Они решали глобальные проблемы, а тут я. Все, раскаиваюсь...

– У меня в кармане... достань.

Жанна покосилась на него, дескать, чего это он – сам достать не может? Вообще-то, у человека руки заняты, крутят руль, а на дворе ночь, в данных обстоятельствах нельзя быть беспечным. Жанна сунула руку в карман его пиджака и вытащила...

– Это что?.. Конфеты? У Лариски украл?

– Взял, – поправил ее Володя. – Подсласти слезы.

– Не буду. – Жанна засунула конфеты обратно ему в карман. – Ларискины конфеты не буду.

– Зря. Эти конфеты в супермаркете не купишь, Виталька специально ездит в магазин, где продают сласти ручной работы. Дорогие – страшно сказать. А Лариса не подозревает, какого мэна отхватила, мы по его просьбе ей ни гугу.

– Что-что? – покривилась она, вытирая пальцами слезы. – Где моя сумочка?

– На заднем сиденье. Ты опять ее забыла.

Жанна отстегнула ремень безопасности, достала сумочку, оттуда выудила пачку бумажных носовых платков. Вытирая нос и щеки, сморкаясь, она вернулась к прежней теме:

– Не подозревает, говоришь? Вова, ты наивный?

– Раз у тебя такой тон, то ты знаешь больше меня. Итак, я наивный. Ну, рассказывай: чего я не знаю?

Краем глаза Бородин заметил, как поздно она спохватилась. Отсюда ясно: не хочется ей рассказывать то, чего он не знает, да вот проговорилась и куда теперь деваться? Ну, хотя бы слез Жанна больше не лила, Бородин главную задачу на сегодняшний вечер выполнил, а на второстепенной настоял.

– Давай, выкладывай, какие тайны тебе стали известны?

– Вова, тебе это не понравится.

– Да ну! Ты пугаешь меня.

Въехав во двор, он остановил машину перед гаражом, заглушил мотор и, отстегнувшись, повернулся всем корпусом к Жанне, уложив локоть на спинку ее сиденья. Это ничего, что света маловато, он прекрасно видел ее, замечал малейшие перемены в лице, незначительные движения. Например, она хотела открыть дверцу, но, видя, что Володя выходить не собирается, обреченно опустила руку. Мелкие, ничтожные проявления внутреннего дискомфорта и то, что она проговорилась насчет Ларисы, плюс эпизод в баре навели его на тревожные мысли, что Жанна влезла в чужие тайны. А она, хитрюга, миг раскусила, о чем он думает, и увела в сторону:

– Вова, купи виски, иначе не расколюсь.

– Обойдешься.

– Я же не прошу купить за четыре штуки, за пятьсот рэ сойдет.

– Водку пей, она дешевле.

– Купи. У нас дома даже водки нет.

– Есть, есть, – заверил он.

– Да? А почему я не знаю?..

– Стоп! – поднял ладони Володя. – Не заговаривай зубы. Жанна, в баре ты сказала: «Я подозреваю всех-всех-всех». Что это значит?

– То и значит. Считаешь, я весь год только на твоём диване сидела?

– Нет. Ты научилась вязать. Готовить еду – мне она нравится...

– Не лги, я готовлю пло...

– Опять уводишь в сторону, – перебил он.

Она откинулась на спинку сиденья, на секунду-другую закрыла глаза, потом распахнула и уставилась прямо перед собой. Теперь Бородин видел истинную Жанну, ту, которую знал только он, больше никто. Эта Жанна с трезвыми мозгами, серьёзная и умная, решительная и смелая, но остался открытым вопрос: что она там себе настроила в голове?

– Ты подозреваешь ребят?.. – спросил Володя, не закончив фразы.

– Есть ещё двое, я недавно вышла на их людей.

Ого! Похоже, она отсеивала кандидатов, значит...

– Ты что, втайне от меня вела поиски убийц?

– Почему втайне? – хохотнула Жанна. – Ты на работе, а я... я немножко трудилась над этим вопросом. К счастью, водительское удостоверение мне выдали до того, как посадили в психушку, и пока не отобрали. А папину машину я знаю назубок.

Он расстроился и не скрывал этого:

– Могла мне сказать... А если б с тобой случилась беда?

Обо мне даже не подумала!

– Как раз о тебе думала. Я оставляла записку, куда уезжала, а на диктофоне есть поэтапная запись моих поисков, ты бы обнаружил. Поверь, мне удалось очень много интересного накопать.

– Так, идем домой, – решительно открыл дверцу Володя. – Я припрятал бутылку коньяка, сейчас под рюмку ты мне все выложишь. Все!

Утром после душа Алла придирчиво изучала свое отражение в зеркале. Это изобретение не имеет жалости. Как и его изобретатель, который, подозревала она, ненавидел женщин, поэтому дал им в руки кусок горькой правды – зеркало. А правда в том, что, если б она не холила себя, стремясь к эталону и контролируя в зеркале успехи, Геной не завладела бы безумная идея срочно пожениться.

– Извращенец, – со слезой в голосе произнесла она, имея в виду Заварова, и громко крикнула: – Федор, я кому сказала? А ну, вставай!

Пришлепало чадо с закрытыми глазами и в трусах, Алла уступила ему ванную, ушла готовить завтрак. На уютной кухне она сделала многослойные бутерброды с мясом, сыром и салатом, как любит сын. По шуму в ванной догадалась, что чадо моет тело, слава богу, не пришлось заставлять. Как большинство мужчин, Федор не любил там задерживаться, пришел на кухню босой, оставляя мокрые потеки на полу, и сразу сунул бутерброд в рот. Стоя с торчащим изо рта бутербродом, сынок налил себе растворимого кофе, плеснул молока в чашку, расплескав и молоко и кофе, за что получил от мрачной в это утро матери замечание:

– Поаккуратней нельзя?

В ответ сыночек небрежно кивнул, дав понять: услышал,

что равносильно одновременно и извинению, но не соизволил вытереть пол и столешницу. Для этого есть маня-мамам, которая сегодня не настроена поддерживать в доме порядок, потому не кинулась елозить тряпкой. Она пила нормальный кофе – смолотый в кофемолке и сваренный в турке.

Федор уселся на стул, пережевывая кусок и запивая его кофе, отхлебывая и глотал громко, как неандерталец, не имеющий понятия о нормах поведения за столом. Одновременно очистил яйцо и целиком отправил его в рот, не заботясь об эстетичности данного процесса, взялся чистить второе. Федыка получился – загляденье, только облагородить его не удалось. Как не родной! Будто его в роддоме подменили. Однако внешне он похож на маму, ну и чуть-чуть на козла папу, который бросил их, испугавшись трудностей, когда родился сын. Второе яйцо залетело в рот, щеки отвратительно раздулись.

– Ты опять пришел за полночь, – упрекнула она его.

– Маня, – замычало чадо, беря третье яйцо, – я даже по всем западным меркам совершеннолетний.

– Вы до тридцати инфантилы, некоторые умудряются не взрослеть и позже. – И без перехода мать выпалила: – Заваров хочет, чтоб я вышла за него замуж.

Смазливая мордаха, груды бицепсов и отсутствие мозгов – это ее сын. Не стоило надеяться, что он предложит чисто мужской ход, который поможет красиво увильнуть от бракосочетания.

– Клево! – выразил он, как она и предполагала, восторг.

– Что клево-то?

Федор не почувствовал распада внутри матери, для этого нужно хоть немного обладать чуткостью, а у мускулов одни рефлексy. Отсюда он объяснил значение слова «клево» со свойственным современной молодежи рационализмом:

– Ты была его конкуренткой, а станешь женой. Клево!

– У тебя мания величия, если считаешь меня его конкуренткой. Значит, сынок, ты за то, чтоб мама сдалась Заварову в рабство. А если я не хочу?

Сынуля беспомощно заморгал красивыми и туповатыми глазенками с густыми ресницами, кажется, понял: маня-то недовольна. Много ли найдется деток, которые не забьются в приступе истерии, когда родитель решается на безответственный шаг и обзаводится второй половиной, чтоб остаток дней провести в идиллическом раю? Федя исключение. А беспомощность вызвана совершенно диким заявлением матери, которая посмела «не хотеть замуж».

– Маня, ты че? – протянул он. По мере того как сын складывал слова в короткие предложения, росло и его возмущение. – Это ж Заваров, ма! Он же сила! Не, ты че! Любая девчонка младше меня готова на все для него...

– Ради него, ты хотел сказать? – поправила она, усмехнувшись. Наверное, усмешка получилась горькой, Федя и этого не заметил. – Но я не девчонка.

– А я про что! Девчонки из-за него готовы ребра друг дру-

гу переломать, а ты – не хочу! Да тебе свезло, как... как не знаю кому. Маня, у него же бабла... Не, я не понял, ты отказала ему? Ему?!

– Ха-ха-ха-ха... – разразилась коротким, как предложения сына, хохотом мать. – М-да. Ты, сынок, не пропадешь, у тебя талант сводни. Но при этом имеешь один недостаток: разговариваешь, как жлоб. А ведь в институте типа учишься.

– Не обо мне сейчас речь!

– И о тебе, – грубо перебила его Алла. – Где шатаешься ночами? А с дочкой Заварова у тебя что? Для тех, кто не в курсе: она несовершеннолетняя.

Кажется, он намеревался нахамить матери и ждал лишь паузы, когда можно заявить во всеуслышание свои права. Детки сейчас смелые, независимые, так и зачесалась рука заехать по независимости ниже поясницы армейским ремнем. Феде тоже «свезло», потому что в прихожей раздался звонок. Иначе Алла, едва сынок открыл бы рот, заехала б ему по лбу – до того разозлилась. Встречать раннего гостя Федька не пошел – зачем, когда для этого есть маня?

Распахнув дверь, Алла попятилась – ее потеснило чудо-юдо. А как еще назвать персону, разрисованную и облаченную в абстрактном стиле? Одежда всех цветов радуги и производных оттенков свисала лохмотьями, перчатки без пальцев, наколенники, на тонкой шее болтался шарф из цветных полос, пирсинг, спутанные волосы, которые расчесывали (может быть) неделю назад, физиономия раскрасше-

на... В общем, сплошной перформанс вошел!

– Драсьте, – поздоровалась Майка, после заорала, будто находилась в поле на расстоянии километра от объекта: – Фе-дя!.. Федь! Я пришла!

Она пришла. И все, будьте добры, замрите, да хоть зачухните на корню. Папина дочка. Правда, папа организован, умеет быть иногда воспитанным, в этом смысле дочь... перформанс. Но хватка, напор, самооценка – папины.

– Я ща! – проскакал на одной ноге Федор из кухни к своей комнате. Он натягивал плавки, одновременно придерживая полотенце, чтоб не упало с бедер.

– Ты не готов?! – возмутилась Майка, двинув к нему, но мама перегородила собой дорогу:

– Пойдем, напою тебя чаем.

– Не хочу, – отмахнулась Майка. – Федь! Почему трубу не брал?

– В ванной был, не слышал.

– Я во дворе тебя дождусь, а? Там пацаны наши.

– Ага! – откликнулся тот.

Не успела Майка захлопнуть дверь, как выбежал сынок, абы как запихивая в сумку вещи:

– Маня, выходи замуж и требуй подарок – тачку.

– У меня есть.

– У меня нет! Будешь ездить на новой, крутой, а мне отдашь свою. Вернусь поздно, пока.

– Надеюсь, ты в институт?.. – погналась за ним Алла. –

Имей в виду, за оценки во время сессии из принципа не стану платить. Ты меня слышишь?

А он, схватив мотоциклетные шлемы, уже был внизу и оттуда, задрав голову, весело подмигнул матери. Помчался, как шлейф, за юбкой! Была бы юбка, а то ведь одно предположение. Ни девочка, ни мальчик, ни тем более женщина, лишь в имени заложено, что это она, а не оно. Не хотелось думать, что Федька подменяет любовь страстью к деньгам. В его возрасте положено влюбляться, разочаровываться, страдать, совершать безумные поступки и все это – с честностью и прямоотой, в пылу юношеской естественности. Если же дело обстоит иначе... мальчик не представляет, какая ломка его ждет, пожалуй, похуже наркотической.

Алла вернулась в квартиру, скользнула взглядом по стенам и... чуть не разрыдалась. Стены-то любимые, в них она чувствовала себя защищенной. Алла обожала свою квартирку из трех маленьких комнат, где по большому счету развернуться негде, зато заработанную собственными руками, плечами, ногами, нервами и, конечно, головой!

Звонок... Она ушла в другую комнату, чтоб не слышать, ибо звонил Гена. Но вернулась. Интересно, какого черта ему надо, если до пятницы разрешил думать?

– Здравствуй, Алла, – нежно сказал он в трубку. – Когда сможешь подъехать в салон «Магдалина» и выбрать платье?

– Надеюсь, не подвенечное?

– Для торжественных случаев.

– Когда скажешь, тогда и подъеду.

– Сегодня в четыре.

– Ой, Гена, сегодня не могу. – К счастью, нашелся способ избежать примерки. – Тетку запланировала навестить в соседнем городе, к этому часу не вернусь. Давай в понедельник?

– А я надеялся сегодня увидеться.

– Извини, но...

– Ладно, до встречи.

Вот и все. Геннадий Вадимович Заваров не захотел ждать недели, а ей не пришлось выдерживать паузу «хотя бы для вида». Глупая ситуация.

* * *

Сейчас мало кто пользуется таким архаичным контролером памяти, как блокнот, а у Эдгара это вошло в привычку со школы. Записи авторучкой наиболее надежный способ хранения информации в отличие от электронных носителей. Старый толстенький блокнот в мелкую клеточку с гибкой обложкой, обветшавший, как книга, которую зачитали до тряпичного состояния, представлял собой летопись, жизнеописание одного отдельно взятого индивида. Листая страницы, можно проследить, как этот индивид мужал, взрослел, менялся, умнел, а временами и глупел. В записную Эдгар заносил мелким почерком не только адреса и телефоны,

но и афоризмы, личные размышления по поводу и без, время встреч, даже списки планируемых покупок. Одно неудобство: отыскать нужную информацию в обилии записей крайне сложно, но Эдгар нашел адрес.

Таксист остановил авто на окраине, а окраины городов по большей части напоминают деревни, остановил у неопрятного забора с облупившимся номером. Эдгар расплатился и вошел во двор, где его встретило запустение. Он прошел по дорожке к дому, взбежал на деревянную террасу и с замирающим сердцем нажал на кнопку звонка. Привычных трелей не раздалось. Он постучался – тишина. Эдгар огляделся в поисках людей. В соседнем дворе за забором копошилась, орудуя граблями, женщина примерно лет за пятьдесят.

– Простите, – направился он к ней, – не подскажете, где найти Константина Леонидовича?

Женщина выпрямилась, беспардонно оглядела Эдгара с головы до рук, которыми он взялся за колышки ограды. Вопреки ожиданиям (и к его радости) она не проявила присущего жителям окраин любопытства, выясняя, что за гость пожаловал к соседу и зачем:

– Так нет его.

– Но, может, вы знаете, где найти?

– Так его совсем нет.

И на этот раз он не понял значения слов «совсем нет». Особенность Эдгара в том, что, наметив цель, он пропускает все второстепенное, незначительное, ему неинтересное. А

женщина, заметив, как молодой человек поднял брови, подошла ближе и внесла ясность:

– Забили Константина зимой.

– Забили? То есть?..

– Разбойное нападение. Ночью шел домой и... Без сознания долго лежал и замерз, зима вон какая суровая стояла. Недалеко от дома замерз.

Стоило ли возвращаться, если во второй же день разочарование с тревожным волнением вытеснили с трудом добытое успокоение!

– А кто забил, почему? – спросил Эдгар упавшим голосом.

– Подонки какие-то. Напали, отобрали кошелек, телефон, часы... У Ганина не было богатств, а часы носил дорогие, памятные...

– Romanson, – чуть слышно вставил он.

– Ага, генерал подарил. Обчистили Ганина, вдобавок избивали до полусмерти, – вздохнула женщина, жалея соседа. – Ездил он на машине, а тут сломалась она, в первый же день поломки его и... Каких-то двести метров не дошел.

– А что с его конторой стало? – не случайно поинтересовался Эдгар.

– Дела не очень шли, хотя работал он не за деньги, для души. Но, душа душой, а налоги да за аренду плати. Куда ж ему? Да и возраст свое брал: как молодой уже не побегаешь – одышка, сердце, ноги не те. Очень занимало его одно дело... У нас тут на дачах сгорели живьем люди, не слышал? Ганин

хвалился, будто полиция не раскрыла, а он к разгадке близко подобрался.

– Он сам из бывших, – заметил Эдгар.

– А старость не смотрит на бывшие заслуги, – резонно возразила она. – Не знаю, разгадал он или нет то дело, а деятельность частную прикрыл. Целый день перевозил из конторы имущество. Да неугомонный какой! Все ему куда-то надо бежать, все че-то писал в тетрадку толстую... Сидел бы дома, как положено пенсионеру, был бы жив. И наследников нет, вон стоит дом, ждет, когда его приберут к рукам начальнички. И приберут в личное пользование, участок-то вон какой большой.

– Жаль, как жаль... Спасибо, что уделили мне время.

– Не за что.

А Эдгар так спешил сюда...

* * *

В это неожиданно солнечное октябрьское утро Бородин сидел, подперев подбородок кулаком, болтая в чашке ложкой и о чем-то думая. Он обожал завтраки по выходным. Сначала Володя заваривал чай по собственному рецепту, пил его и балдел, сидя на кухне в углу и наблюдая, как Жанна укрощает плиту. Она никогда не занималась танцами, но ее манипуляции с посудой и конфорками отдаленно напоминали грациозные танцы дикарок у ритуального огня.

Жанна поставила перед ним тарелку с яичницей глазуньей и жареными помидорами, положила себе и села. Частенько еда подгорала, тогда он благородно делился с ней чаем, после «укротительница» делала новую попытку приготовить что-нибудь съедобное.

– Вова, ты все утро молчишь, в чем дело? – спросила Жанна.

В том, что спокойный Вова вчера лишился спокойствия. Он сознательно подчинил эмоции разуму, установив их на нулевую отметку. Достаточно того, что у Жанны характер непредсказуемый, хотя из психушки она вернулась неузнаваемой. Жаль, этого никто, кроме него, не заметил. Не хотят замечать – так будет точнее. Своим терпением и спокойствием он укрощал ее, кстати, более удачно, чем она – плиту.

Вчера Жанна его огорошила. Володя находился под впечатлением и, конечно, настроен против поисков убийц, считая это дело бессмысленной затеей. Вчера он воздержался от резких высказываний, сегодня искал подходящие слова, способные логически привести Жанну к его видению проблемы.

– Согласись, – наконец сказал, – тут есть над чем подумать.

Неважно, что человек говорит, главное, что за его словами. Идеальная пара – это когда мужчина и женщина чувствуют друг друга, отсюда в недосказанности быстро заполняют пробелы, понимая, что на самом деле он (она) думает. Жанна правильно прочла его мысли и сделала еще одну попытку

объяснить, почему она не может смириться:

– Вова, ты не понимаешь? Мне страшно жить. Мне тяжело жить.

– Я-то как раз понимаю... Но если до убийц дойдет твоя настырная деятельность, тебя уничтожат.

– Ну почему четыре жизни, которые кто-то украл, я должна подарить? – В возбуждении Жанна стукнула по столу ладонями. – Слишком большая роскошь, знаешь ли! Кому они понадобились, зачем? Ответа нет ни на один вопрос, убийцы не пойманы – мне от этого плохо!

– Видишь ли... – потирая подбородок, начал он делиться мыслями, – в твоих расчетах мало убедительности. Это всего лишь фантазии без веских мотивов.

– Даже у Алексашки нет мотива?

Мучительная тема. А он не привык дипломатничать. Ему бы сказать: для меня важна только ты, если не станет тебя, зачем мне солнце, небо, земля, работа? – все это имеет смысл только с тобой, но ты хочешь уйти за Ниной и родителями. Сильно? Володя так не скажет, не сумеет.

Жанна тем временем разрезола его яичницу и снова поставила перед ним тарелку:

– Ешь.

Нехотя он взял вилку, ткнул ею в кусок, а в рот его отправил, когда сказал свое мнение по поводу Сашкиного мотива:

– Не знаю, по-моему, любовь не может стать поводом к зверству.

– Не любовь, – возразила Жанна. – А оскорбленное самолюбие. Унижение. Ревность. Наконец, страсть. Да, неутоленная, оборванная страсть на самом пике. Это очень сильная мотивировка для больного и озлобленного самолюбия.

– Допустим. Но Виталька не питал страсти к Нине, он лишний в твоём списке.

– А зачем твой и мой друг Виталик засунул меня в дурдом? Может, лично ему это было нужно, м? Что, если он дэв, а не агнец? Просто мы не знаем.

– Я не спрашивал, – ответил он.

– Почему?

– Разочаровываться не хотел.

Володя бросил вилку, уложил локти на стол и отвернул лицо в сторону. Тема еще и болезненная. Она касалась не просто друзей, а тех, кому он мог доверить себя целиком, жене, детей, да абсолютно все. И эти родственные души, мягко говоря, повели себя не совсем прилично по отношению к Жанне, стало быть, и к нему.

– Тогда спроси и разочаруйся, в конце концов! – резко бросила Жанна. – Чтобы потом не заплатить втридорога. А знаешь, идея засунуть меня в психушку принадлежала Лариске. Заодно спроси нашего друга Виталика, зачем она влезла. Кстати! Я нарочно оставила сюрприз на утро.

Жанна убежала в комнату. Тяжело вздохнув, Володя вынул из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой и засмотрелся на огонек. В крошечном пламени он вдруг увидел проклятую

дачу, охваченную пламенем, горящие тела внутри дома... и передернул плечами, потому что кожей ощутил нестерпимый жар. Бесследно такие события не проходят, та ночь обосновалась между ним и Жанной, как третий лишний, она мешала им, напоминая о незавершенности.

– Ты готов к потрясениям? – вбежала Жанна, плюхнулась на стул и, положив на стол большой конверт, накрыла его обеими ладонями. – Учти, моя бомба не для слабонервных.

– Готов, готов, – закивал Володя, прикуривая.

– Итак, Лариска не знает, какой жирный кусок отхватила в лице Витальки? Ну, да, она же возвышенная, социально ответственная, как комсомолка из старых фильмов. А теперь смотри. Узнаешь эту дэву?

Жанна положила перед ним на стол одну фотографию... вторую... третью... У Володи глаза полезли на лоб. Первое фото: голая Лариса сидит на голом мужике вдвое старше с внешностью жителя южных гор. Крупный план: Лариса вза-сос целуется с тем же мужиком, оба голые, его волосатая рука сжимает ее грудь. План стоя: она держится руками за край стола, он сзади... ну, очень подробное изображение. Четвертое фото: Лариса сидит на краю стола, нога заброшена на бедро джигита, который придерживает ее рукой, лица исказила мука... Володя провел по столу рукой, сгребая камасутру в сторону.

– Жесть, правда? – произнесла Жанна, закуривая. – Думаешь, Виталик об этом знает?

– Она что... и сейчас?.. – ужаснулся Володя.

– Про сейчас не знаю, а до Виталика – точно.

– Кому какое дело, с кем Лариса занималась сексом до

Виталика.

– Согласна. Но ты ведь неприятно удивлен?.. Молчишь?

Значит, Лариса тебе на этих снимках не симпатична.

– Думаю, такое же впечатление будет и от нас, если тайком снять...

Жанна загасила недокуренную сигарету и поднялась:

– Идем в комнату. Идем, идем...

Он поплелся за ней без желания, угадав, что наготове у нее вторая бомба, проникать в чужие тайны – это типично по-женски. Едва Володя вошел, Жанна нажала на пульт и началось. Одна из фоток ожила на экране телевизора.

– Тебе знакома эта Лариса? – спросила Жанна, подчеркнув слово «эта». – Спорим, ты не знаешь ее? Вчера с Виталиком была другая – благородная кровь, а не похотливая самка.

Порно и в Африке будет порно. И дело в качестве. Ни о какой любви, которая разрешает все мыслимые и немыслимые приемы, и речи быть не могло, здесь Лариса выдавала образцовое мастерство порочной шлюхи, являясь инициатором акробатики. Она очень старалась и в результате перешагнула грань, которая красоту превращает в омерзительную похабщину. Что там фото! На фото запечатлены скромняшки, потому что не видно процесса, следовательно, нюансов.

– Ну, как тебе? – спросила Жанна.

– Выключи, – попросил Володя, отвернувшись.

Вопли, стоны, рев животинушек, реплики прекратились, хотя дух помойки успел распространиться в воздухе, Бородину захотелось открыть балконную дверь и проветрить свою однушку.

– Ты и теперь будешь утверждать, что от нас такое же впечатление? – спросила Жанна. – Извини, но любовь сильно отличается от этого дерьма. Даю гарантию: и твоему другу Виталику все это не понравится, не-а. Джигит ему хорошо известен... Вова, какого черта молчишь?

Он молчал, потому что впервые она употребила слово «любовь», впервые оно объединяло их двоих, не было абстрактным обозначением каких-то далеких от реальности чувствований. Это победа Бородина, а она, как известно, пьянит. Но, вспомнив, как легко он может потерять Жанну в самом прямом смысле этого слова, Володя быстро отрезвел, взял ее за плечи и спросил:

– Что ты собираешься делать с диском?..

8

Теперь непросто было покинуть запущенный сад. И при жизни Ганина порядок не бросался в глаза, а без него, да после лета, когда одних сорняков выросло несметное количество с человеческий рост, вид совсем удручающий. Сухие стебли в большинстве своем высохли и оплетены паутиной; листва, опадая, задержалась в сорняках, придав саду дикий, вместе с тем фантастический вид. Склеп. Склеп под открытым небом. Облагорожена только дорожка, ведущая к дому от калитки и выложенная плитами.

Однако не все печально в этом запустении, на верхушках яблонь задержались бордовые шары, согнувшие ветки, и просились: съешь меня. Основной урожай, видимо, соседи сняли, в общем-то, правильно – чего добру пропадать? Эдгар ощущал зрелую сочность и аромат, которым пропитан октябрь, ощутил голод, но высокогато висели яблочки, без лестницы не достать.

Он походил по террасе, разглядывая ее, потом резко повернулся и отправился восвояси пешком. Идти далеко, шел он, чтоб «утоптать боль», растратить силы. Эдгара будто специально притянула сюда неведомая субстанция, чтобы снова столкнуть со смертью. В середину лба тупо давило: забили... забили... Какое-то неудачное слово, несоизмеримое с результатом. Но если заменить первые две буквы на одну, то

получится – убили. Это слово ближе к истине, ведь и «замерз» неточно отображает суть. Итак, убили...

Ганин был крупным и достаточно сильным для своего возраста, однако шестьдесят семь лет всегда проиграют в состязании с молодецкой удалей. Тем не менее легко он карманы не вывернул бы перед грабителями, Ганин же старой закваски, это значит, вступил в бой.

Эдгар добрался до улиц, которые постоянно оживлены: летом и зимой, ночью и днем, в ненастье и погожий день. Он видел много людей – идущих навстречу и рядом, обгоняющих его, едущих в машинах, автобусах. Все они, как объемные голографические фигурки, созданные из пустоты воображением, Эдгар ощущал себя среди них чужим, пришельцем из другого мира.

И вдруг!..

Впереди, среди подпрыгивающих людских голов общего потока, он увидел волнистые волосы шоколадного цвета... Волосы прихвачены на затылке широкой оранжево-зеленой лентой... И лента, и волосы с волнистой структурой были только у... но этого же не может быть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.